

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

Арвендейл
Долгое море

Арвендейл

Роман Злотников

Арвендейл. Долгое море

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Арвендейл. Долгое море / Р. В. Злотников — «Эксмо»,
2018 — (Арвендейл)

ISBN 978-5-04-088733-0

Полноценное воплощение Темного бога – Шиг-Хаоры в земле Глыхныг создает серьезную угрозу как для людей, так и для других светлых рас. Поэтому император отправляет Троя, герцога Арвендейла, с дипломатической миссией в Светлый лес и к Подгорному трону. Трой прекрасно понимал, что с гномами, а тем более с эльфами договориться будет нелегко. Владыки каждой из рас считали себя умнее, проницательнее и изворотливее других. И даже общая опасность не позволяла забыть им старые обиды. Впрочем, кому, как не герцогу Арвендейлу, удастся убедить их в обратном?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088733-0

© Злотников Р. В., 2018
© Эксмо, 2018

Роман Злотников

Арвендейл. Долгое море

Высокородная Кастимионэль, Старшая элери Великого дома Аэливар и самая признанная Великая провидица народа эльфов, стремительным шагом вошла в свои покои и, стянув длинные, по локоть, церемониальные перчатки из тончайшего, словно паутина, эльфийского шелка, раздраженно швырнула их на туалетный столик.

– Свириниэль!

– Да, госпожа! – Выдрессированная прислужница мгновенно возникла в проеме двери, испуганно уставившись на свою госпожу максимально преданным взглядом. Старшая элери Аэливар была истинной аристократкой. Из древнего рода. Очень древнего. Да и сама она была... м-м-м... ну-у-у... не то чтобы так уж и молода. Хотя, скажем, какой-нибудь человек вполне мог бы принять ее за весьма юную особу. Ну-у-у... если бы леди, по каким-то причинам, понадобилось, чтобы кто-то из этих полуживотных ее за таковую принял. *Основа* для этого у нее вполне наличествовала – свежая и гладкая, без единого изъяна кожа, сочные губы, высокая грудь, густые, блестящие волосы... Так что достаточно было продемонстрировать немного легкомысленности, жизнерадостности и столь присущей юности шаловливости, и любой человек посчитал бы, что перед ним юная и наивная эльфийка, чей возраст, возможно, даже еще не перешагнул порог детства, которое хоть и тянется у эльфов куда дольше, чем у людей, но все равно так же довольно скоротечно. Впрочем, подобное можно было проверить только с этими полуживотными, каковые в своей неизбывной глупости всегда мерили окружающих, исходя из реалий своего убогого вида и своих собственных не менее убогих традиций. Ну, или с орками, которые суть – животные, только лишь обезьянничавшие за истинными разумными... Никого из эльфов все эти внешние признаки обмануть не смогли бы. Потому что существовала масса различных примет и знаков, явственно различимых любым эльфом, на основании которых он мог бы более-менее точно идентифицировать истинный возраст любого из своего народа. Оттенок волос, с возрастом становящийся более глубоким и насыщенным, их истончившиеся концы, заставляющие зрелых эльфиек заплетать волосы в косы или сооружать на голове иные, куда более сложные прически, утолщение, и пусть и едва-едва, но все же вполне заметное любому эльфу изменение формы ушных хрящей, а также еще добрый десяток подобных мелочей, не увидеть которые способны только люди. Впрочем, они, похоже, даже орков отличают от своего вида только по торчащим из пасти клыкам и зеленоватому оттенку кожи. Хотя и это еще не факт! В конце концов, и среди людей имеется масса пород, различающихся тем же цветом и оттенком кожи... Но в случае с Высокородной никому из эльфов не потребовалось бы даже приглядываться. Ибо Великую провидицу народа эльфов знал каждый эльф. Причем не только то, как она выглядит, но и во что предпочитает одеваться, какими духами пользоваться, а также... м-м-м... скажем осторожно – все присущие ей особенности ее характера и воспитания. А воспитывалась Высокородная Кастимионэль в те далекие времена, когда эльфы еще... скажем так, в полной мере несли свое великое бремя Первородных и возложенную на них Создателями этого мира великую миссию. А именно – вести всех остальных разумных этого мира к свету, разуму и любви. И были твердо уверены в том, что те, на кого возложена столь великая миссия, не могут позволить себе никаких слабостей. Ни внешних, ни тем более внутренних. Так что свою молодежь древние эльфы воспитывали в полном осознании того бремени, которое падет на их плечи при вступлении во взрослую жизнь...

Именно поэтому подавляющее большинство из ныне живущих эльфов при первых же признаках того, что им на пути может встретиться Старшая элери Великого дома Аэливар, старались тут же забиться в какую-нибудь самую укромную и глухую дырку, моля Великую мать, чтобы пронесла, не попустила, отвлекла... Однако шанс на то, что Великая мать поможет

с этим, был лишь у тех, кого свел с Высокородной Кастимионэль только лишь случай. Тем же, на кого Великий дом Аэливар возложил обязанность прислуживания одной из своих столпов, приходилось гораздо хуже...

– Купальня готова?

– Да, госпожа... – Прислужница склонилась в глубочайшем поклоне. В принципе, согласно эльфийским традициям, этого не требовалось. Более того, Свириниэль, являющаяся прапраправнучкой Высокородной Кастимионэль, сама принадлежала к числу высокородных элери Великого дома Аэливар. А кроме того, она, как и любая эльфийская аристократка, являлась обученной ведающей, причем довольно сильной. Так что по формальному статусу они были равны (ну, почти...). И то, чем она занималась в покоях своей прапрапрабабушки, официально именовалось «помощью старшей родственнице», а отнюдь не услужением высокородной госпоже. Вследствие чего подобных выражающих почтение жестов от нее вроде как не требовалось. Более того, теоретически она вполне могла возмутиться, выскажи старшая родственница требование приветствовать ее подобным образом. Которое Высокородная, кстати, никогда и не высказывала. Просто... в доме Аэливар так было принято. Испокон веков. И все эти века неукоснительно соблюдалось. Что же касается возможности возмутиться или просто отказаться соблюдать принятые правила... Свириниэль была бы очень не против поглядеть, что может случиться с той из весьма многочисленных «помощниц» Старшей элери, которая посмеет хотя бы намекнуть на нечто подобное в присутствии Высокородной Кастимионэль. А впрочем, нет, – против. Жизнь в Высоком доме Аэливар и так не сахар. Даже по эльфийским меркам. Незачем усугублять ее еще и ночными кошмарами...

– ...с лавандой и настоем береники, – тихо закончила Свириниэль.

– Что-о-о?! – Великая провидица народа эльфов резко развернулась и гневно уставилась на свою служанку. Ну, или прапраправнучку. Кому как удобно... а затем свирепо прошипела:

– Да ты в своем уме? Какая береника?! Сегодня второй день Лунных перкалий! А друиды Восточной дубравы еще третьего дня объявили, что осенний дубовый сок загустел и побелел! Ты когда-нибудь научишься пользоваться своей тупой головенкой, бледная бестолочь?!

– Да, госпожа, – испуганно залепетала Свириниэль, склоняясь перед своей прапрапрабабкой в низком поклоне, – прошу меня простить, госпожа! Я немедленно все исправлю, госпожа!

– Тупая, бестолковая дрянь! – еще раз прошипела Высокородная Кастимионэль. – Пошла вон... – После чего повернулась и широким шагом двинулась в сторону огромной гардеробной, размеры которой могли посоперничать с бальными залами в некоторых баронских замках этих короткоживущих червей, внешний вид которых, сильнее других разумных похожих на истинных Первородных, с молодых лет приводил Высокородную в еле контролируемую ярость...

Когда Кастимионэль, переодевшись, вновь вышла в главную залу своих апартаментов, ее уже ждали. Причем в отношении этого гостя даже Высокородная поостереглась бы спускать с поводка свой несносный характер. Во всяком случае, слишком часто и уж тем более по пустякам. Хотя отказать себе в шпильке все равно не смогла:

– Ты опять хлещешь мое вино, лорд Аэливар!

Нежданный гость повернулся к ней и смерил Высокородную злым взглядом:

– Что ты устроила на Совете, Кастимионэль?

Красивое лицо Старшей элери Великого дома Аэливар перекосилось в злобной гримасе.

– Эта тупая курица на троне меня уже достала!

Гость криво усмехнулся:

– Насколько мне помнится, именно ты тогда настояла на том, чтобы наш Дом поддержал ее кандидатуру на выборах Владычицы.

– Да, и готова вновь повторить все те аргументы, которые приводила тогда... Но все равно она меня достала! И в первую очередь – именно своей тупостью. Это же надо было

ляпнуть такую чушь? – Тут лицо Высокородной презрительно скривилось, а в голосе появились нарочито слащавые нотки: – Я настаиваю на том, что мы обязаны исполнить наш древний закон и отправить Мастера жизни и Мастера растений в столицу людей для того, чтобы он попытался возродить меллирон скалы Северин!

Ее собеседник помрачнел и сделал большой глоток. Очень большой. Потом покосился на Высокородную, которая к настоящему моменту успела добраться до большого роскошного кресла, скорее даже полудивана, стоявшего с другой стороны сервировочного столика, уставленного легкими закусками, кувшинами с напитками и вазами с фруктами и печеньем, рядом с которым сидел он сам, и весьма живописно устроиться на нем, и пробурчал:

– А что ты предлагаешь – пойти на конфликт с друидами, которые...

– Да плевать на друдов! – Кастимионэль, как раз в этот момент ухватившая из вазы с фруктами спелый плод ашобли, разъяренно подпрыгнула и швырнула его об стену, украсив драгоценные обои из паутинного льна мокрым, грязным пятном. – Эти замшелые мухоморы не хотят ничего видеть дальше своих меллиронов и своего собственного носа, поросшего лесным мхом. Да после того, как один из этих короткоживущих ублюдков, только по какому-то недоразумению или, возможно, жестокой насмешке Великой матери, слегка напоминающих истинного Первородного, разогнал из Эллосиила всех этих тупых говорящих животных со всеми их уродливыми созданиями, в распускаемых ими слюнях можно запутаться! Как же – они получили возможность вернуть «благословенные деревья» на их «исконные места»!!! Тьфу, бараны! Ну как они не понимают, что этим действием усиливают этого урода Марелборо и ослабляют Великий лес!

– Светлый лес, – холодно поправил Великую провидицу Глава Великого дома Аэливар.

Высокородная аж захлебнулась и, развернувшись к своему собеседнику, боднула его таким яростным взглядом, что тот аж отшатнулся.

– Ф-ф-ф-вел-л-л-ликий лес, сопляк, – яростно прошипела она, – ф-вел-ликий... и никакого другого не будет! Эльфы вернут с-с-себе власть над этим ш-ш-шмиром или исчезнут! Третьего не будет!

Глава дома Аэливар зло стиснул зубы и промолчал. Он никог... вернее, очень не часто видел свою прапрабабку такой взбешенной. И уж точно никогда не хотел бы оказаться на месте того, кто вызвал на себя подобный гнев. Даже учитывая то, что официально, по статусу, она являлась его подчиненной. Потому что официальный статус – это одно, а реальный расклад сил – совершенно другое...

Впрочем, похоже, ярость сидевшей перед ним Высокородной все-таки по большей части оказалась направлена вовсе не на Главу Дома. Потому что того продолжения, которого так опасался Высокородный, так и не последовало. Более того, сразу после своей вспышки Великая провидица откинулась на спинку своего огромного кресла и, подняв руки и надавив пальцами на оба своих виска, на какое-то время замерла, прикрыв глаза тонкими веками, кожа на которых аристократично отливала синевой. Посидев так пару минут, она опустила руки и, шумно выдохнув, повернулась к своему собеседнику. Буквально натянув на лицо улыбку, которую никто бы не посмел назвать извиняющейся, она негромко произнесла:

– Прошу простить меня, Глава, вы сами знаете, что сегодня был довольно тяжелый день, а я уже не настолько... м-м-м... владею своими нервами, как более молодые Первородные. – Тут ее улыбка опять начала превращаться в оскал, поэтому Высокородная Кастимионэль оборвала свой спич и захлопнула рот. Причем сделала это она с явственно различимым стуком зубов. Несколько мгновений в зале висела напряженная тишина, после чего высокопоставленный гость сглотнул и, шумно выдохнув, произнес максимально нейтральным тоном, на который только оказался способен:

– Кхм... э-э-э... да-да, вы правы, Высокородная... вам просто необходимо отдохнуть...

– Что-о-о? Ты считаешь меня немощной старухой? – тут же вскинулась Кастимионэль, но не успел Глава Великого дома снова испугаться, как тут же рассмеялась: – Не беспокойся, мой мальчик, я в порядке. Хотя отдохнуть мне все-таки действительно не помешает. И-и-и... – она сделала короткую паузу, – я понимаю, что решения Совета, утвержденные Владычицей, уже не изменить, но ведь ты понимаешь, что исполнить их можно очень, очень по-разному. В том числе и так, чтобы результат их исполнения оказался полностью противоположен тому, на который рассчитывали те, кто инициировал принятие этих решений. Поэтому я прошу тебя подумать над тем, как сделать так, чтобы это решение было исполнено... наилучшим образом. Наилучшим именно для Великого леса. Ты меня понял?

Глава снова насутился, но затем нехотя кивнул:

– Я попробую, но-о... исполнение этого решения возложено Владычицей на друидов. А как вы сами знаете, у нашего дома не слишком хорошие отношения с Кругом. Так что...

– И все же я прошу вас постараться, Глава, – настойчиво повторила Кастимионэль, перейдя на официальный тон. – А сейчас прошу меня простить – мне действительно нездоровится...

Едва выйдя за дверь покоев Великой провидицы, Глава Великого дома Аэливар привалился к стене и рванул пальцами жемчужную застежку ворота. Вот так всегда! Когда бы и в каком бы состоянии он ни заходил в покои Высокородной Кастимионэль – пылая гневом и будучи совершенно убежденным в своем праве карать и миловать, или вот так, как сегодня, предельно собранным и с целым набором холодных, логичных аргументов, – это всегда оборачивалось тем, что его прапрабабка поворачивала разговор так, как сама считала нужным. После чего Глава Высогого дома покидал ее покои озадаченным донельзя и с полным ощущением того, что для него будет лучше как следует постараться и выполнить все, озвученное Высокородной. Иначе плохо будет всем. А уж ему в первую очередь. Ну почему, почему он до сих пор не способен преодолеть свой собственный страх перед этой престарелой тварью? Да чтоб она сдохла!

Кастимионэль же после ухода одного из своих праправнуков, которого она сама совсем недавно, всего около двадцати лет назад пропихнула на должность Главы Великого дома Аэливар, некоторое время молча сидела в своем кресле, глубоко дыша и прогоняя воздух через ноздри. Да уж, давно она так не заводилась. Или действительно – старость... Высокородная чуть привстала и бросила тревожный взгляд на хрустальное зеркало. Хм-м-м, да нет вроде... Впрочем, денек сегодня явно не задался. Сначала эти тупицы в Совете, затем эта бестолочь Свириниэль, а этот сопьяк вообще выбесил! Надо же, приперся требовать ответа. И от кого? Совсем нюх потерял, что ли?.. Когда она проталкивала его на место Главы, это казалось ей отличной идеей. Молодой Тинувиэль (такое имя тогда носил нынешний Глава Великого дома Аэливар) был туповат, но исполнен апломба и при этом считал себя крайне недооцененным. Короче, обладал просто великолепным букетом качеств, необходимых для успешного манипулирования со стороны. Лучшего и пожелать было нельзя! Так что Кастимионэль посчитала, что он будет в ее руках великолепным орудием. И-и-и... в принципе так оно и произошло. Подавляющее большинство решений, принятых нынешним Главой Великого дома Аэливар, так или иначе либо ничуть не противоречили ее планам, либо были прямо инициированы Старшей элери. Нет, Кастимионэль отнюдь не отдавала Главе дома никаких прямых приказов. Еще чего! Подобные действия только разрушили бы всю ее власть над этим тупицей. Разумные со столь большим апломбом, получившие высокую должность, обычно крайне болезненно относятся к любым покушениям на свой статус и даваемые им права. Так что подобные наезды типа того, что она позволила себе только что, Высокородная Кастимионэль использовала очень и очень нечасто. Большую часть же времени она действовала куда более тонко, позволяя этому сосунку считать, что все в доме делается исключительно по его и только его воле. В чем, кстати, ей очень помогал ее титул Великой провидицы... Более того, и сам Глава, и многие в Доме

были уверены, что некоторые решения Глава принял назло, а то даже и в пику своей старшей родственнице. И лишь очень немногие догадывались, что эти самые «назло» на самом деле были умело инициированы ей самой. Незаметно. Исподтишка. Ведь любому взрослому высокородному эльфу было известно, что для того, чтобы управлять разум... вернее не очень разумным существом, достаточно умело дергать его за ниточки его слабостей. Ну, как марионетку. Однако лишь немногие понимали, что настоящие мастера-кукольники управляют марионетками, не только *натягивая* одни нитки, но и *ослабляя* другие. А вершиной мастерства у них считается сделать так, чтобы зрителям со стороны казалось, что у марионетки вообще нет никаких ниток и кукла живет полностью свободно и совершает поступки исключительно по своей воле...

– Свириниэль!

Стройная фигура прислужницы тут же возникла в проеме дверей, молча склонившись перед Высокородной.

– Как там моя купальня?

– Свежая вода готова, госпожа, – быстро ответила эльфийка. – И я принесла Максиновый и Лунный сборы. Но если вы хотите какой-нибудь другой...

Кастимионэль на мгновение задумалась, а потом устало махнула рукой.

– Максиновый подойдет. И-и-и... добавь в воду береники. Мне нужно успокоиться.

Свириниэль коротко поклонилась и быстро вышла из залы, изо всех сил постаравшись, чтобы в ее глазах не мелькнуло даже тени обиды...

Купальня подействовала. А может, помогла дыхательная гимнастика. Или и то, и другое вместе взятое. Как бы там ни было, но когда после купальни Высокородная проследовала в свой покой для медитаций, ее желчь уже полностью успокоилась. Ну а поскольку в последнее время такое состояние духа являлось для элери Кастимионэль скорее исключением, чем правилом, Высокородная решила не упускать момент и попробовать разбудить свой дар. Ибо последние события, произошедшие как в империи людей, так и в земле Глыхныг, изрядно взбаламутили все ранее намеченные планы и выстроенные вероятности. Да что там говорить... одно возвращение Марелборо чего стоило! И ведь была же возможность совсем избавиться от этого Древнего, отчего-то всплывавшего столь необъяснимой любовью к этим полуживотным. Причем настолько сильной, что он не побрезговал не только встать во главе их самого крупного государства, которое сам же и создал, но еще и назваться (подумать только) человеком! Именно назваться, в этом Кастимионэль была совершенно уверена. Потому что мысль о том, что столь сильный маг и могучий владетель может не *именоваться*, а *являться* человеком, просто не могла уместиться в ее голове. Да и имелись у нее кое-какие предположения насчет того, кем Марелборо может быть на самом деле... Возможность была, но ею не рискнули воспользоваться. *Неспровоцированная* смерть столь могущественной м-м-м... сущности могла обернуться для тех, кто послужил бы ее виновниками столь тяжким *ответом мира*, что он поставил бы абсолютный крест на любых их дальнейших планах. И ладно бы неприятности грозили только исполнителям. Все, кто имеет амбицию подняться на вершину власти, готовы к риску и опасности, ибо путь наверх всегда идет с ними рука об руку. Однако никто не мог поручиться, что *мир* не посчитал бы *достойными ответа* не только непосредственных виновников, а, например, весь их род, – Дом, а то и всю расу эльфов или гномов в целом. Вот потому-то декавират самых могущественных магов и владетелей эльфов и гномов, который и принял решение устранить эту сущность, решил ограничиться всего лишь могучим проклятием, которое вцеплялось в разум и ауру проклятого, понадеявшись на то, что оно само по себе сумеет так или иначе устранить столь серьезное препятствие для их планов. Смерть по косвенным причинам должна была изрядно ослабить возможный ответ, а то и вообще полностью исключить подобную угрозу. А ее вероятность была очень высокой. Ибо под наложенным проклятием эта непонятная древняя сущность (ну так считала Кастимионэль, напрочь отказывающая

людям в наличии сколько-нибудь серьезных возможностей) становилась всего лишь немногим сильнее любого рядового полуживотного, именуемого человеком. Увы, этого не произошло... Ну что ж, раз ситуация изменилась – значит, пришло время изменить и планы. Как минимум – свои собственные. Потому что тот декавират, который принимал решение по Марлборо, уже давно не существовал. Трое из его прежних членов уже «ушли вслед за богами», один умер сам, еще двое удалились от дел, а остальные... О-о-о, остальные с того момента по большей части стали самыми большими врагами друг для друга. Впрочем, это обычное дело среди тех, кто имеет волю и амбицию править разумными...

Приняв подобное решение, Высокородная подошла к изящному резному шкафчику и, распахнув украшенные тонким узором двери, задумалась.

Великое прорицание – дело очень серьезное. К нему готовятся долго или очень долго. Причем в этой подготовке участвует далеко не только сама Провидица. Даже если она вполне заслуженно носит титул Великой. Хотя ей, конечно же, достается больше всего... А вообще в Великом прорицании задействованы очень многие. Скажем, даже начальный уровень Великого прорицания, затрагивающий интересы всего одного эльфийского Великого дома, требует использования в ритуале энергии как минимум шести меллиронов. И это только начальный, который далеко не всегда способен принести ответ на более-менее сложный вопрос. Сама же Кастимионэль за свою жизнь принимала участие в куда как более экзотических вариантах. В одном из них, кроме эльфов и меллиронов, были задействованы еще и три связанных места силы, артефакты гномов, сами гномы и-и-и-и... эти полуживотные. Хотя Высокородная и была категорически против их участия. Была, но все-таки согласилась участвовать... А куда было деваться, если на их участии настоял Совет Владычицы? Так что у нее был только один выбор – либо согласиться, либо... просто не участвовать. Отказаться же от участия было бы куда большей глупостью. Возможности Провидицы растут тем больше, чем в более сложном и сильном ритуале ей выпадает участвовать... нет, не совсем так. *Озарения* могут осенить и просто так, случайно. Да так и осеняют. Когда и где угодно, и никому пока не удалось понять, отчего и почему это происходит. А вот даже самое простое *контролируемое проникновение* уже требует особой подготовки, существенная часть которой для Провидицы заключается в приведении себя в особенное состояние духа. В принципе самые начальные уровни, затрагивающие короткий временной горизонт хорошо знакомых и не слишком значительных разумных и некие простые, либо, наоборот, достаточно яркие события, никакой особенной подготовки не требуют. Кастимионэль еще помнила времена, когда она, будучи совсем юной ученицей, баловалась тем, что предугадывала, узнают ли старшие про ту или иную ее шалость, и какое ей в этом случае будет грозить наказание. Но так случается с самыми-самыми начальными уровнями, которые перестают развивать дар потенциальной провидицы уже к тому моменту, когда она начинает считаться старшей ученицей. И чем больше растет ее талант, тем больше для его развития требуется участие во все более сильных и сложных ритуалах. Поэтому любая провидица обычно руками и ногами вцепляется в возможности стать *проводящим фокусом* самых сложных и тяжелых ритуалов. Несмотря на все то, через что им во время ритуала приходится проходить... Так что, откажись она тогда от участия в ритуале с этими полуживотными, вполне возможно, титул самой признанной Великой провидицы эльфов скорее всего сейчас носил кто-нибудь другой.

Но столь большие сложности в подготовке относятся только лишь к Великим прорицаниям. Проникновения рангом ниже вполне возможно было осуществить и в одиночку. Конечно, такое под силу не каждой, далеко не каждой Провидице, но уж Высокородную Кастимионэль назвать «каждой» не повернется язык ни у кого. И хотя работа со столь влиятельным и затрагивающим целый пук вероятностей объектом, которым являлся вернувшийся на трон император людей, явно отнимет довольно много сил, но у Великой провидицы были весьма веские причины максимально ограничить круг не только ознакомленных с его результатами,

но и даже хотя бы знающих о том, что подобный ритуал был. В идеале – до себя одной. Хотя это, несомненно, должно было закончиться для нее весьма болезненно...

Кастимионэль слегка скривилась и протянула руку внутрь шкафчика, легкими движениями выудив из его недр то, что ей было необходимо. Для одиночного погружения необходимо было воспользоваться самыми сильными «костылями». Слезы Света, Шепот ночи, Звей, глухой, на шесть щелчков пальцами вдох... сознание потихоньку поплыло, уносясь в неведомые выси, и стройное тело Великой провидицы мягко упало на подушки, разбросанные по полу покоя для медитаций. Несколько мгновений ничего не происходило, но затем Старшая элери Великого дома Аэливар вздрогнула всем телом и глухо застонала, потом еще раз, еще, после чего неестественно выгнулась и закричала...

Свириниэль осмелилась заглянуть в покой только через десять минут после того, как затихли последние стоны и крики. Высокородная Кастимионэль обессиленно лежала на подушках, пялясь в потолок полубезумным взглядом, а из уголка ее рта сбегала по щеке липкая ниточка слюны, окрашенная в розоватый цвет пыльцы Звея. Эльфийка несколько мгновений молча и слегка испуганно рассматривала свою великую старшую родственницу, а затем осторожно позвала:

– Элери...

Высокородная едва заметно вздрогнула, а затем медленно перевела на служанку взгляд, в котором уже снова ощущался разум.

– Сви-и-и... – Она запнулась, слотнула и попыталась снова: – Сви-и-иэль... пинеси... сдрафуррр...

– Да, госпожа! – испуганно вскрикнула та и вихрем выметнулась из покоя. Кастимионэль же скривилась и попыталась сесть, опираясь на дрожащую руку. Это получилось только с третьей попытки. Да уж... большей глупости и придумать было нельзя. Попытаться сделать прорицание на столь могущественное существо с помощью столь слабого ритуала... да тут стоит удивляться, что она не то что лишилась разума, но и вообще осталась в живых... И он еще смеет называть себя человеком?!!

– Вот, пожалуйста, элери! – Свириниэль возникла рядом с тонким хрустальным бокалом в руке.

– Помоги выпить, – сварливо отозвалась Высокородная, после чего сделала глоток и столь же сварливо продолжила: – А теперь – встать. Неужели ты думаешь, что я собираюсь улечься спать прямо в этом покое?

Добравшись с помощью служанки до своей спальни, Кастимионэль устало рухнула на кровать и задумалась. Ладно, в главном она потерпела неудачу. Скорее всего, в случае с этой сущностью даже начальным уровнем Великого прорицания не обойдешься. Потребуется воистину великий ритуал. Но можно ли считать ее попытку абсолютной неудачей? Кхм, а ведь, пожалуй, нет. Главная фигура так и осталась для нее сокрытой, но вот те, кто находится рядом с ней...

– Значит, Алый герцог, – задумчиво произнесла Высокородная, вспоминая то, что открылось ей во время ритуала, – забавный зверек... Может, заняться им лично? – Она покосилась на полог из лунного серебра, туго натянутый над ее кроватью, в котором, как в зеркале, отражались ее великолепная фигура и роскошные волосы, в данный момент живописно разметавшиеся по подушкам, после чего гадливо сморщилась. – Нет, не хочу... Свириниэль!

– Да, госпожа! – Служанка и-и-и... прапраправнучка мгновенно возникла в проеме дверей спальни. Кастимионэль окинула ее стройную фигурку оценивающим взглядом.

– Вот что, дорогая моя, мне... нам, всем нам нужно, чтобы ты влюбила в себя одного человеческого аристократишку.

– Челове... человеческого? – ошеломленно пролепетала Свириниэль.

– Да, – с кривой усмешкой кивнула Великая провидица, – он нужен мне отдрессированным. К тому же мне не нравится его жена. Она мне тоже мешает... и, похоже, действительно влюблена в своего мужа. Так что тут получится одним выстрелом выпустить две стрелы, – закончила она эльфийской пословицей, после чего замолчала и несколько мгновений молча смотрела на стоящую перед ней эльфийку, а затем медленно произнесла:

– А после того, как ты сделаешь все как надо, мы, так уж и быть, начнем заниматься развитием твоего провидческого дара.

Глаза Свириниэль на мгновение вспыхнули, после чего эльфийка опустила взгляд и склонила голову.

– Когда и куда мне выезжать, госпожа?

– Не надо куда выезжать, – снова усмехнулась Кастимионэль, – этот зверек скоро сам сюда заявится...

1

Трой отшатнулся в сторону, а затем резким движением резко выбросил вперед Тайную ветвь, метя в шею, прикрытую добротным латным горжетом. Противник ловко заблокировал удар своим клинком и презрительно ощерился... но в следующее мгновение его башка, увенчанная крепким кованым шлемом с полуличиной, сделанной в виде кабаньей морды и прикрывающей лицо где-то до уровня верхней губы, слетела с плеч и покатила по земле, все еще сохраняя то же самое презрительное выражение. Трой качнулся в сторону, уходя от возможного удара со спины и одновременно разворачиваясь, после чего окинул взглядом схватку и тут же прынул вперед, одним движением меча даже не нанося удар, а прямо-таки вскрывая спину еще одному бандиту, а затем... опустил меч. Бой закончился.

– Эти как-то быстро кончились!

Герцог Арвендейл развернулся и бросил взгляд на того, кто произнес эти слова. Виконт Аскавирал в настоящий момент ничем не напоминал того, кем он являлся на самом деле, – то есть благородного рыцаря и родовитого аристократа. Скорее его можно было принять за молодого, но уже, похоже, довольно опытного ополченца из числа вольных поселенцев или крестьян, выходца из какой-нибудь глухой деревеньки, в которой большая часть мужиков промышляет еще и охотой. Причем то, что он опытный, определить можно было только по тому, что на его плече в данный момент покоился здоровенный, но весьма покоцанный дрын, издали напоминающий обычный лом (ну ладно, будем честными – не совсем обычный, но где-то близко). И лишь за десяток шагов можно было различить, что это вовсе не лом, а довольно приличный двуручный меч с вороненым лезвием. Почему это служило признаком опытности? Да потому, что даже в той сборной солянке, которой являлась сейчас армия Империи людей, подобное оружие никогда бы не доверили неопытным рукам. Потому что двуручный меч в неопытных руках – это проблема для своих, а не для врагов... Весь же остальной вид молодого виконта соответствовал вышесказанному – поселенец или крестьянин из глухой деревеньки. А кем еще может быть молодой парень, одетый в домотканые штаны, кожаные онучи с тряпичными опорками и меховую безрукавку, натянутую прямо на голое тело?

Трой скупой усмехнулся и, стянув с головы напрочь порванный подшлемник, вытер им лицо. Вернее, попытался. Потому что на самом деле он просто повозил по лицу мокрой тряпкой, в которую превратился совершенно мокрый подшлемник. А откуда ему быть сухому-то? Дождь шел уже третий день. И хотя сегодня с утра он почти утих, превратившись скорее в этакую висящую в воздухе морось, на самом деле это было еще хуже. Потому что, в отличие от обычного дождя, от этой мороси не спасали уже ни плащ, ни полог воза. Да что там полог... казалось, она проникала даже внутрь домов. Впрочем, возможно, так не казалось, а и было на самом деле.

– Милорд герцог, нашли коней, – доложил Коском, как обычно подходя вплотную совершенно незаметно. Старшина арвендейльских охотников, одетый так же непрезентабельно, как и все остальные, обозначил легкий поклон и мотнул подбородком: – Вон в том лесочке они их схоронили.

– Много? – уточнил Трой, разворачиваясь к своему старому соратнику, с которым они не только облазили большую часть герцогства, но еще и изрядно пошастали по лесам, окружающим Эл-Северин. – А возы там есть? Капитан стражи говорил, что Кривой Кабан всегда с собой возы таскает. Для добычи.

– Нет, коней всего с полдюжины. Наверное, только для одоспешенных, – он кивнул в сторону валяющихся тел налетчиков, несколько из которых были одеты в ржавые кольчуги, а парочка даже в латные нагрудники. В том числе и сам предводитель, которым являлся тот самый мужик со шлемом, увенчанным кабаньей личиной, которого завалил сам Трой. – Остальные, похоже, пешком шли. И возов мы тоже не нашли. Их, похоже, и не было. Следы-то по такой погоде точно должны были остаться. Судя по всему, они для того на тракт и вышли, чтобы возы захватить.

Алый герцог нахмурился и, подойдя к срубленной им башке предводителя разбойников, ухватил за клочок выбивающихся из-под шлема с затянутым под подбородком ремешком волос, после чего поднял ее и озадаченно уставился на свой страшноватый трофей.

– Так это что, не та банда, получается? Странно... Судя по описанию, это и есть Кривой Кабан. Все как рассказывали – шлем с личиной в виде кабаньей головы, шрам через угол левого глаз, бельмо на глазу и, – тут он оттянул нижнюю губу у своего жутковатого трофея, – увеличенные нижние клыки. Ну как у любого полуорка. Точно он!

– Да, я тоже думаю, что это Кривой Кабан, – вступил в разговор подошедший Грикс. – Только вот его банда, похоже, разделилась. Ну, или разбежалась. Потому-то они, как их милость и сказал, – тут старшина имперских егерей мотнул головой в сторону виконта Аска-вирал, – так быстро кончились.

– Насчет разбежались – не думаю, – задумчиво произнес Коском. – Судя по тому, что нам рассказывали про Кривого Кабана, от него хрен сбежишь. Так что если бы кто попытался, так Кривой бы скорее всего за ними в погоню бросился, нежели на тракт вышел. Поэтому мне кажется, что он просто часть своих людей с уже награбленным товаром куда-то отправил. Нынче-то в городах от стражи дай бог каждый десятый остался. Остальные – либо погибли, либо увечные, либо еще раненные лежат. Да и те, кто остался, по большей части юнцы или калеки. Вот купцы, ну из тех, что на руку нечист, и распоясались. Краденое да награбленное как обычный товар скупают безо всякого зазрения совести. Только что дешевле. Так что даже таким наглым бандам, как Кривой, не составит особенного труда найти, кому награбленное скинуть.

– Вариант, – согласно кивнул Трой после короткого раздумья, после чего окинул взглядом валяющиеся тела. – Вот незадача! Надо было кого-нибудь в живых оставить, для допроса. А теперь что делать-то?

– Не волнуйтесь, господин, – усмехнулся Коском, – там от места, где лошади привязаны были, следок один интересный пошел. Причем пеший. Опытный тать попался. На лошадей не позарился. По такой погоде на лошади не сильно быстрее пешего передвигаться получится, и лошадиный след не укроешь. А вот свой он почти сразу путать начал. Ну да чтобы след от моих ребят укрыть, очень сильно постараться надо, а он явно торопился... Ну я тройку своих ребят по тому следку вдогон и отправил. Так что если этот, кто в бега кинулся, утек, когда тут, на дороге, еще всю схватку шла, – так часа через полтора-два догонят, а если когда уже все закончилось, – так и раньше.

– А не упустят твои его по такой-то погоде? – засомневался Грикс. Но старшина арвендейльцев только усмехнулся в усы. Ну да, ну да, уйти в дождь от арвендейльских охотников...

Вот уже полтора месяца они чистили запад империи от расплодившихся, как тараканы, банд.

Война это всегда не только смерть, пожары и болезни, война еще и время тварей, в которых превращаются вроде бы ранее вполне себе приличные люди – крестьяне, ремесленники, купеческие приказчики, городские стражники и наемники, а то и даже кто-то из благородных. До того как на страну обрушилась эта беда, большинство из них были вполне законопослушными подданными – растили хлеб, ковали железо, охраняли караваны, защищали и судили. И никто даже и не догадывался, что внутри вот этого, на первый взгляд вполне себе добропорядочного, человека таится черная тварь. Потому что эта самая тварь была загнана глубоко внутрь. Загнана жесткими законами, судьями, которые честно (впрочем, иногда и не очень, но все-таки) исполняли свои обязанности, отношением соседей, наставлениями родителей и жрецов, а также множеством традиций и правил. Да-да, тех самых законов, традиций и правил, которые, хотя и ограничивают свободу любого отдельного индивидуума, не позволяя ему «делать все, что хочется» или там «подчеркивать свою индивидуальность», на самом деле всего лишь обезьянничая за всякими там «иконами вкуса», «самыми модными трендами» или «настоящим андеграундом», и поэтому вся эта хваленая «индивидуальность» вовсе не индивидуальность, а обычное подражание, и любой, «подчеркивающий» ее таким образом, является всего лишь маленькой частью «массовки», всех этих зачастую совершенно дутых кумиров... но при этом заставляют эту самую «внутреннюю тварь» таиться там, внутри, прорываясь наружу только отдельными проявлениями типа неистребимой жадности, самовлюбленности и желания самоутвердиться не за счет собственных достижений, а унижая и принижая достижения других. Вы же сами не раз сталкивались с подобными «моськами», вся заслуга которых на самом деле состоит всего лишь в умении лаять на кого-то, добившегося чего-то действительно важного, сложного, трудного. Ибо этот лай, как им кажется, ставит их вровень с подобными «слонами». Впрочем, большинство нормальных людей, как правило, не сильно обращают внимание на всех этих «мосек», отчего они обречены «вариться» в чрезвычайно узком и мелком (хотя при этом очень шумном и скандальном) «котелке», в котором собрались точно такие же, как и они. Не особенно влияя на жизнь подавляющего большинства людей... Но так продолжается только до того момента, пока вокруг все более-менее нормально. То есть нет войны, мора или там землетрясения либо какого иного стихийного бедствия. Но стоит только случиться чему-то подобному, как все эти твари сразу начинают лезть наружу, а потом и наверх, поначалу еще рядясь в защитников, борцов за дело добра либо как минимум в тех, кто готов отобрать это добро у «чужих и плохих» и почти безвозмездно, то есть даром, отдать всем «своим и хорошим». Они говорят сладкие речи и иногда даже какое-то время действительно отдают что-то сколько-нибудь ценное тем, кто им поверит. Далеко не все и не всегда, потому жадность у таких «борцунов с самым страшным злом» очень часто зашкаливает, но случается. У самых умных... Однако даже если все это и происходит, то подобная очень ограниченная «благотворительность» быстро заканчивается. Ровно в тот момент, когда эти твари оказываются на вершине власти. И тогда горе тому, кто рискнул им поверить...

Вот и Кривой Кабан раньше тоже был не просто законопослушным гражданином, а вообще тем, кто и олицетворял этот самый закон, – старшим десятником городской стражи. Довольно прижимистым, но покажите мне щедрого стражника. Брюзгливым, ну а что хотели? Эвон как мужику морду-то располосовали. С чего ему радостным-то ходить? Завистливым... ну а что это, преступление, что ли? Просто характер у человека такой.

Когда формировалось городское ополчение, Кривой, как тогда его звали, сказался больным, и его не взяли. Хотя бойцом он был неплохим. Но таковых среди ополченцев было большинство. Даже еще и не всех приняли. Потому как желающих было очень много, но совсем оставлять город без умелых бойцов посчитали неразумным. Всем было понятно, что наступают тяжелые времена, и что даже если орки сюда не доберутся (что было совсем не фактом, потому

что никто не мог знать, в какую именно сторону пойдут орки, когда решатся покинуть Эл-Северин), число иных опасностей совершенно точно увеличится.

Ну а после ухода ополчения Кривой, как один из самых опытных из числа оставшихся стражников, довольно быстро дорос до помощника сотника. На каковой должности и развернулся по полной, быстро сбив из части старых стражников, ну, из числа таких же жучил, как он, а также и свеженабранного молодняка, свою «бригаду». После чего довольно быстро подгреб под себя рынок, установив на нем свои порядки. Их было немного, но даже этого немного хватило. Как оно обычно и бывает, когда эти «немного» сплоченные и жестокие... Причем сначала он даже слегка снизил мзду, каковую купцы и торговцы обычно выплачивали стражникам помимо городского сбора. А что, стражников-то немного, а прилавков на городском рынке эвон сколько. И каждому хочется, чтобы, ежели чего, городская стража к твоему прилавку прибыла в один момент... Вот именно эту мзду Кривой Кабан и снизил. Мол, времена сейчас тяжелые, денег у людей поубавилось, так что стража «идет навстречу простому человеку». Вследствие чего окрестные крестьяне, составлявшие немалую долю рыночных торговцев, по первости на него едва ли не молились. Но этот праздник невиданной щедрости продолжался недолго. Уже через два месяца собираемая мзда вернулась к прежним значениям. Опять же под маркой того, что времена сейчас тяжелые, стражи мало... А еще через пару месяцев заметно выросла. Уж больно Кривой оказался жаден... Где-то около полугода новоиспеченному помощнику сотника, пользуясь извечной людской надеждой на то, что все как-то само рассосется, удавалось вполне успешно стричь местных купцов, ремесленников и крестьян, выжимая из них все соки, а потом народ буквально взбунтовался... Для города это обернулось огромной дракой и пожаром на рынке. А для Кривого – отстранением от дел и расследованием, которое довольно быстро докопалось до всей подоплеки событий...

Поскольку город имел право на собственный суд, магистрат решил не дожидаться возвращения владетеля и выдвинул обвинение против Кривого и его компании. А так как обвинения были довольно серьезными, да и с обвинительными материалами, судя по тому, как шло расследование, все так же должно было быть в порядке, бывший помощник сотника сотоварищи решили не дожидаться его окончания и одной недоброй ночью утекли за пределы городских стен. После чего компания озлобившихся головорезов устроила своим бывшим согражданам веселую жизнь. Пока на их пути не нарисовался герцог Арвендейл...

– Что с трупами делать будем, милорд? – поинтересовался виконт Аскавирал. Трой окинул его взглядом. Да уж... он даже не предполагал, что виконт увяжется за ним. Ибо дело, которое ему поручил император, с точки зрения благородного сословия было... ну как бы это... короче, не шибко благородным. То есть, вернее, не само дело – обеспечение безопасности и наказание виновных в грабежах и налетах составляло непрременную обязанность любого владетеля, а скорее то, как он его исполнял.

Вообще последствия войны неожиданно более всего отразились именно на западных герцогствах. И вовсе не потому, что они так уж сильно пострадали от орков. Нет, центральные районы и особенно окрестности столицы пострадали от этих тварей куда как сильнее. На западе же основные проблемы устроили себе сами люди.

Западные герцогства империи по уровню жизни и достатку практически ничем не отличались от центральных провинций. Там точно так же, как и в окрестностях Эл-Северина, уже несколько столетий никто не слыхивал не то что об орочьих набегах, столкновениях с соседями или там «частных войнах» местных дворян, но даже и шайки бандитов в этих краях появлялись совсем нечасто. И жили недолго. Потому что от орочьих земель границы империи на западе были отделены либо почти непроходимыми горами, либо людскими государствами, настроенными к империи вполне лояльно, а города и местное дворянство были достаточно богаты, чтобы содержать приличную стражу либо вполне достаточную дружину. Так что местные жители в основной своей части давно уже забыли – с какого конца держаться за меч. Далеко

не все, конечно, но и не как в том же Арвендейле или южных провинциях, непосредственно граничащих с орочьими землями, где бойцами были практически все мужчины поголовно. Да и существенная часть женщин от них также не очень-то отставала... Но тех, что помнили, вполне хватало на то, чтобы обеспечить местным вполне сытую, спокойную и комфортную жизнь. Пока не случилось то, что случилось.

Первые проблемы начались сразу после захвата орками Эл-Северина. Сначала в этих краях появились беженцы, потом резко упали доходы от торговли. Ну а как же иначе-то – ведь все основные торговые пути проходили через столицу! Потом начались волнения на городских окраинах, где ютились бедняки, подрабатывавшие грузчиками, носильщиками и другими поденщиками, у которых беженцы, готовые работать буквально за кусок хлеба, начали перехватывать работу. А на ту, которую удалось-таки находить, резко опустили цены. Волнения удалось прекратить бесплатной раздачей хлеба, но всем было ясно, что это ненадолго. Да и проблемы только лишь бедняками не ограничивались. Торговля почти замерла, что поставило на грань разорения большинство ремесленников, потому как местный рынок был способен поглотить едва ли больше половины того, что они изготавливали. Да и купцы, естественно, от сокращения, а на некоторых направлениях и вообще полного прекращения торговли тоже терпели большие убытки. Так что когда император Марелборо объявил исполнение дворянских дружин и сбор городского ополчения, его горячо поддержали, надеясь на скорое восстановление привычной жизни... Но вот ведь какая штука, в собираемое им войско отправились как раз те, на кого ранее и возлагалась обязанность следить за соблюдением законности и порядка, а также сурово пресекать любые попытки их нарушения. То есть практически все владельцы со своими дружинами и большая часть городской стражи. Других-то бойцов в этих местах уже давно не было... А это привело к тому, что защищать закон после их ухода оказалось практически некому. Вследствие чего в герцогствах началось то, что обычно и происходит, когда власть слабеет, а уровень жизни людей заметно снижается. Потому что первое всегда влечет за собой второе! Несмотря на то, что причины ослабления власти могут быть совершенно разными – от войны или стихийного бедствия до, скажем, «свержения тирана» или «обретения истинной свободы и независимости». Причем в наиболее острой форме все это происходит именно там, где вроде как до сего момента люди жили вполне себе прилично, а то и зажиточно. Потому что когда человек не живет, а выживает, он занят куда более насущными делами типа поиска куска хлеба для себя и своих детей и не забивает себе голову всякими навязанными бреднями. Да-да, именно навязанными, потому что считать, что это именно твое осознанное решение, можно только в том случае, когда ты глубоко изучил вопрос, рассмотрел со всех сторон несколько вариантов решения, причем экстраполировав как их ближайшие, так и более отдаленные последствия, и только после это выбрал из этой группы решений наиболее приемлемое. А вовсе не тогда, когда ты под действием эмоций (пусть даже и вполне обоснованных) с размаху и даже восторженно вляпался в то самое пресловутое «простое, любому понятное *неправильное* решение», которое, как известно, имеется у совершенно любой, даже самой сложной проблемы... Ничего хорошего в таком случае не получится. Более того, именно в этом случае откуда ни возьмись наружу сразу начинает лезть такая мразь, что люди только диву даются. Причем она не только лезет наружу, но еще и пытается пролезть на всякие теплые местечки, дающие возможность как минимум погреть руки в ставшей весьма мутной атмосфере, а как максимум – еще и покуражиться над остальными. Ну, типа того же Кривого...

Однако это оказались еще не все проблемы. И даже не самые главные. Главная из них носила наименование – банды!

По большому счету нечто похожее творилось практически по всей империи. Ну, возможно, кроме Арвендейла. Нет, конечно, трудностей и там было вполне достаточно. После того-то, как население Арвендейла выросло более чем в шесть раз! Причем существенная часть переселенцев добралась до герцогства едва ли не голыми и босыми. Так что в недавно восста-

новленном герцогстве не хватало почти всего – одежды, утвари, скотины, семян, инструмента, причем даже самого примитивного – начиная с лопат и топоров. Да и с размещением также были большие проблемы – почти половина переселенцев зиму пережила в землянках. А многие продолжали в них ютиться до сих пор. Так что забот у герцога Арвендейла (а вернее – у Лиддита) был не то что полон рот, а вообще до маковки. Но вот банд, число которых за время войны на территории империи резко увеличилось, в Арвендейле практически не было. Нет, попытки уродов сбиться в шайки случались и там. Но долго они не протянули. Озоровать в Теми-то... в принципе есть и более спокойные способы убиться, но, пожалуй, нет более надежного... Так что сходные проблемы в той или иной мере испытывали жители почти всех герцогств и графств империи людей. Однако на западе они были усугублены еще одним обстоятельством...

Как ранее упоминалось, запад империи уже давно жил довольно мирно. Поэтому уровень боевой подготовки и, главное, уровень дисциплины и боевой слаженности в дворянских дружинах и городской страже тех мест был куда как ниже, чем, например, у тех же дворян или ополченцев Южных пределов. Ну не было им до этого особенной нужды поддерживать свои боеготовность и боеспособность на уровне, схожем с теми, кто жил в куда более беспокойных местах... И хотя дворянские дружины и городское ополчение запада составили лучшие бойцы этих земель, но лучшими они были именно среди своих. То есть в тех землях, которые давно не знали ни серьезных войн, ни орочьих набегов и в которых уже давно практически не встречались ни крупные разбойничьи банды, ни опасные монстры. Поэтому в развернувшихся сражениях полки, сформированные из западного дворянства и ополченцев, понесли куда большие потери, чем остальные. Впрочем, еще им во многом просто не повезло. Например, в том, что именно полки, сформированные из выходцев с запада империи, составили основу той части армии, которой выпала задача разгромить орков, выдвинувшихся к Павилиолу...

Так что, когда Эл-Северин был освобожден и император распустил большую часть армии, обратно на запад вернулось очень небольшое число тех, кто когда-то ушел отсюда на войну. Причем этот момент был еще более усугублен тем обстоятельством, что западные дворяне и ополченцы ринулись домой еще до того, как сумели поставить на ноги и вернуть в строй большинство своих раненых. Уж больно тяжелые вести шли из дома... Вследствие чего тех сил, которые вернулись в более-менее боеспособном состоянии, оказалось совсем недостаточно, чтобы навести порядок и дать отпор распоясавшемуся быдлу. Более того, обнаглевшие и набравшие силу бандиты сумели даже разгромить несколько ослабленных дружин мелких владетелей, попытавшихся навести порядок в своих владениях и изрядно пощипать отправленные против них сводные отряды городской стражи. Так что ситуация еще более усугубилась...

– Да как обычно – разденем и развесим на деревьях, – усмехнулся Трой. Виконт скривился.

– Опять?! Ой, помяните мое слово, милорд, – так мы дождемся или мора, или – как минимум – падежа скота...

– Не дождемся, – не согласился герцог Арвендейл. – Сейчас прохладно. Дожди еще дня два точно будут идти, а это значит, что жары не будет. Да и ненадолго мы их повесим. Дня три-четыре повисят – и достаточно. Пусть народ полюбуется на то, чем закончили те, кто держал их в страхе... – Трой знал, что как раз завтра крестьянские телеги потянутся в город, на рынок: продать чего есть, купить чего надо, так что, до того как трупы будут сняты, эту «наглядную агитацию» успеет увидеть достаточное количество людей. Достаточное – для того, чтобы проникнуться и рассказать другим. Рассказать о том, что новая власть вполне окрепла и никому не позволит пробовать себя на прочность, а также о том, что жизнь в стране теперь будет становиться безопасней, ну и, естественно, о том, чем кончаются вот такие «кривые дорожки». Так что, так сказать, тренд жить мирно и законопослушно в текущем сезоне вновь становится полностью актуальным.

– ...ну а потом магистрат отправит людей, которые снимут и захоронят останки.

Виконт помолчал пару мгновений, а затем согласно наклонил голову. После чего задумчиво произнес:

– А мне вот интересно, когда мы разберемся со всем этим, следующее задание Его Величества тоже будет таким же заковыристым?..

Марелборо вызвал Троя на следующий день, после того как уехала Лиддит. Император попросил ее взять на себя обустройство беженцев из земли Глыхныг, которых привезли Трой с северянами. Та было попыталась отказаться, мол, и без того уже намучилась с беженцами, да и после общения с Фра Арфиерой любые выходцы из земли Глыхныг вызывают у нее как минимум большую настороженность. Но Марелборо невозмутимо ответил, что обратился к ней именно вследствие обеих названных ею причин. Ну, не считая высокой оценки ее организаторских способностей. Ибо, во-первых, она поднаторела в обустройстве беженцев куда больше кого бы то ни было и, во-вторых, в отличие от подавляющего большинства этих самых остальных прекрасно представляет, что можно ожидать от подобных беженцев. Так что шанс, что она точно справится, очень велик, а того, что кого-нибудь с ходу приберет, наоборот – минимален. Поэтому «император очень просит герцогиню взвалить сие бремя на свои прекрасные, но очень надежные плечи». Ну и Лиддит, естественно, пришлось согласиться. Но зато она вытребовала у Марелборо целую неделю единоличного пользования мужем. Так что они с лихвой вознаградили себя за все долгие месяцы воздержания и пребывания друг без друга. У Троя вон до сих пор поясница побаливала после их бурных ночей. Да и не только поясница, если честно...

– У меня есть для тебя поручение, побратим, – мрачно начал Марелборо, указав подбородком на стоящее перед его столом кресло, когда Трой вошел в кабинет. Герцог Арвендейл послушно присел и молча наклонил голову, всем своим видом демонстрируя, что он весь полное внимание и готов со всем тщанием исполнить любой приказ своего императора.

– На западе свирепствуют банды. А местные владетели и городские ополчения понесли слишком большие потери, чтобы суметь справиться с ними своими силами. – Император сделал паузу и уточнил: – Во всяком случае достаточно быстро для того, чтобы наши проблемы серьезно не усугубились. – Он бросил на Троя испытующий взгляд: – Справишься?

Алый герцог, легенда империи и правая рука самого Марелборо, задумался.

– Не знаю... Я бывал на западе, но недолго, и, считай, проездом, когда я... ну, то есть мы еще у Даргола служили. Поэтому я не особенно знаком с местной географией и особенностями обстановки. Так что надо собрать информацию и подумать, как все делать...

– Думай, – согласно кивнул император, – только побыстрее. Дела там аховые. К тому же много людей я тебе выделить не смогу. Возьмешь своих охотников и егерей. Ты уже с ними гулял в окрестностях Эл-Северина, так что они для тебя – хороший отряд. – Он замолчал, вздохнул, а затем продолжил: – В других местах тоже творится нечто подобное. Но там местные должны справиться сами. Я для того и распустил армию, чтобы владетели и городские ополчения навели порядок на своих и коронных землях. А вот на западе... – Он вздохнул. – Тем более что это нужно сделать быстро. У нас не так много времени, а разговаривать с нашими «союзниками», – тут Марелборо криво усмехнулся, – пока у нас творится такой бардак, – глупо и даже опасно. Могут встать в позу.

– Я понимаю, – кивнул Трой. – А как насчет моего десятка?

Император мотнул головой:

– Нет, побратимов я тебе тоже дать не смогу. Они мне нужны здесь.

– Что ж, ясно, задачу понял, – снова кивнул Трой.

– Вот и хорошо. Главное – почистить дороги. В городах должны сами справиться. Тем более что где-то через неделю на запад выйдет большой отряд под командованием графа Эсбели, сформированный из выздоравливающих. Если они сумеют без серьезных потерь добраться до своих мест, ситуация там должна заметно улучшиться. Но как боевая сила – они

пока из себя представляют не особенно много. Большая часть еще окончательно не оправилась от ран, – закончил император.

– Понятно, Ваше Величество, – снова наклонил голову Трой, так сказать, переключаясь из режима «побратим» в режим «вассал». – Я выступлю не позднее чем через три дня.

Совет, собранный через два часа в шатре герцога Арвендейла и состоявший из побратимов и наиболее опытных командиров из числа арвендейльцев и императорских егерей, ломал голову над поставленной задачей почти три часа. По итогам этого собрания было решено, что наилучшим выходом в сложившихся обстоятельствах будет ловля «на живца». Иных более-менее надежных вариантов вследствие незнакомой местности и отсутствия достаточного количества проводников, а также крайне ограниченных возможностей по сбору необходимой информации, не просматривалось. Тем более что если уж банды настолько обнаглели, что нападают на дружины владетелей, купеческий караван они точно не пропустят...

Так что уже на следующее утро выделенные для экспедиции на запад империи люди начали активно переоборудовать купеческие фургоны, дабы, с одной стороны, оснастить их хоть какой-то защитой, а с другой – привести их внешний вид в соответствие с той ролью, которую должна была играть их импровизированная «пожарная команда». И вот именно тогда перед Троем и нарисовался виконт Аскавирал с требованием непременно взять его с собой...

Беглеца поймали, едва они закончили с живописным развешиванием трупов.

– Ведут, милорд, ведут, – довольно произнес Коском, взобравшийся на дерево, чтобы закрепить веревку, на которой должны были подвесить последний разбойничий труп, и потому первый углядевший возвращающихся охотников. – Эх, плюгавенький какой. Да еще хромым. То-то его робяты так быстро догнали... Или это они его стреножили?

Трой, как раз заканчивающий просмотр собранных трофеев, развернулся и окинул взглядом приближающуюся процессию. Да уж, видок как у охотников, так и у захваченного пленного был еще тот. Ну а что вы хотели-то по такой погоде? Тут просто по укатанной дороге милю пройдешь – и уже грязный, как чушка. А этой троице, похоже, пришлось еще по оврагам-буеракам ползать.

– Кто такой? – негромко поинтересовался он у пленника.

– Дык это, Ваша милость, крестьяне мы, из Извозного, знач... К свояку в Пристепь шел, а тута вона чего. Рубиться затеяли. А кто кого, и не понять. Мы ж того... крестьяне, знач... так что в етом деле, наше дело – сторона. Ну я и того... – мужик весьма натурально шмыгнул носом, – тикать, знач... А енти... – тут он зло покосился на двух стоящих по его бокам охотников, – еще и по шее бьют...

Играл мужик хорошо. Виконт Аскавирал так точно повелся. Эвон стоит рожу кривит... Но не Трой. Потому что ему уже пару недель назад стало казаться, что с засильем банд здесь, на западе, все не так просто. Те же нападения на дружины и отряды городской стражи взять. Они требовали не только изрядной смелости, на которую бандиты, как правило, не слишком-то падки. Они же сбиваются в банды для того, чтобы награть добра и самоутвердиться через унижения и издевательства над другими, а не переть буром на вооруженные отряды. Особенно если эти отряды готовы к схватке и не охраняют ничего ценного... Для подобного нападения требовался еще и небывало высокий уровень координации. Что предусматривало и наличие координирующего центра, и созданную систему связи и опознавания, и налаженную сеть по сбору информации. Как-то оно слишком сложно для обычных грабителей, не так ли?

– Коском, – негромко позвал он.

– Здесь, мой господин.

– Перекинь веревку через во-он тот сук и прикажи развести костер, – Трой окинул стоящего перед ним хромого ледяным взглядом, – тут кое-кто непонятливый и пытается мне «лепить косицу». Так что разговор у нас с ним будет долгим и вдумчивым.

– Эт мы мигом. – Коском угрожающе ослабилсЯ. – А щипцы греть или так, головешкой обойдемся?

– Греть, – равнодушно бросил Трой. И тут послышался глухой голос мужика, в котором уже не было никакого «мужицкого» коверканья слов:

– Не надо ничего греть, Ваша Светлость. Я все расскажу.

Трой пару мгновений любовался совершенно обалдевшим лицом виконта, а потом кивнул мужику на валявшуюся рядом корягу:

– Тогда присаживайся. Я же сказал – разговор будет долгим...

2

– О-о, я считаю, что служить столь благородной эвли является честью для любого благородного эвлара, – жарко прошептал барон Каэверли в нежное ушко и мягко передвинул руку чуть ниже, окончательно выйдя за пределы того, что могло еще, пусть и с некоторой натяжкой, считаться талией.

– Ах, барон, вы меня просто смущаете, – игриво взмахнув ресницами, проворковала его партнерша по... м-м-м... наверное, это уже не могло считаться танцем, но как минимум *началось* оно именно как танец. – Но вы столь галантны, что я... что я... – Она страстно вздохнула и...

– Господин, господин! – Барон Каэверли вздрогнул, напрягся и, с дикой неохотой отстранившись от «партнерши», глухо произнес:

– Прошу меня простить, госпожа графиня, я вынужден ненадолго вас оставить.

По кукольному личику графини промелькнуло выражение крайней досады, почти сразу же сменившееся на высокомерно-благожелательную улыбку.

– Что ж, вас, благородных эвларов, долг часто отрывает от нас, слабых эвли. Идите и возвращайтесь, ваша эвли вас дождется.

Барон глубоко поклонился и ожег страстным поцелуем ручку графини, после чего картинно насупил брови, выпятил грудь и, гремя каблуками, вышел из бальной залы. Впрочем, едва только изящная дверь залы закрылась за его спиной, как его грудь тут же вернулась в более привычное состояние, а выражение лица мгновенно превратилось в озабоченно-злое.

– Ну что там еще, Тревлен? Я же велел меня не беспокоить...

– Прошу простить, Ваша милость, – испуганно пробормотал его личный слуга, – но там приехали... приехал Кругзан и требует немедленно допустить его к вам. Я проводил его в ваш кабинет.

– Кругзан? – Барон нахмурился. Кругзан являлся его доверенным лицом в нескольких весьма... м-м-м... опасных предприятиях. Опасных, но прибыльных. О-о-очень прибыльных.

После того как напыщенные тупицы с ослиными мозгами, не видящие ничего дальше своего носа и заикленные на дворянском кодексе и родовой чести, ушли к этому новоявленному самозванцу, в попытке обмануть всех принявшему имя легендарного императора, здесь, на западе, у знающих и-и-и... небрезгливых людей появились неплохие шансы серьезно улучшить свое положение. А положение барона Каэверли к тому моменту даже самый деликатный собеседник однозначно должен был оценить как полную жо... кхм... безнадёжность.

Папаша барона был типичным дубоголовым аристократом, кичащимся славными предками и родовой честью, для поддержания которой на кажущемся ему должным уровне папаша немилосердно тратил и весь доход, поступающий от не очень-то и богатого баронства, и приданое жены. Зато его охоты и пиры славились на все графство, а сам барон Каэверли-старший слыл среди общества истинным аристократом и хлебосольным хозяином. Ну и богачом, куда уж без этого. Так что его сын и наследник считался весьма выгодной партией и пользовался большой благосклонностью как у потенциальных невест, так и у веселых вдовушек, не только с

благодарностью принимавших от «такого красавчика» всяческие подарки, но и с лихвой вознаграждавших галантного кавалера. Что уж говорить про остальную дворянскую молодежь, среди которой он являлся одним из кумиров. Надо ли уточнять, что подобное положение дел Казверли-младшему очень нравилось. И почиталось им как совершенно заслуженное и неизбывное. Впрочем, так оно и было... До смерти папаша. А вот потом выяснилось, что баронство по уши в долгах, и новоиспеченный наследник старинной и благородной фамилии фактически банкрот.

Так что то, что случилось после этого печального события, было вполне закономерно. Потенциальные невесты, ранее из всех сил стреляющие глазками и одаривающие многообещающими улыбками, мгновенно перестали замечать новоиспеченного барона, верные друзья и собутыльники исчезли, как и не бывало, двери домов веселых вдовушек также захлопнулись. Ну а сам теперь уже полноправный барон Казверли, вместо того чтобы, как он и привык, проводить время в столице герцогства (в Эл-Северин папаша его не отпустил, и он теперь понял почему), вынужден был запереться в родовом замке, где и держать оборону от многочисленных кредиторов. Слава богу, еще предыдущий император утвердил право владельца земли отказывать в доступе в замок кому бы то ни было, кого этот самый владелец видеть не хочет. К коим, естественно, и относились как кредиторы, так и нанятые ими судейские «чинушы». Так что пока барон прятался в своем замке, кредиторы не могли даже вручить ему уведомление о вызове в суд... Именно тогда, сидя в холодном и темном замке долгими унылыми вечерами, молодой барон поклялся себе вернуть блеск своему роду и-и-и отомстить всем тем, кто в тот момент при виде его кривил губы и презрительно морщился. И надо сказать, будущее показало, что эта клятва не оказалась пустым сотрясанием воздуха очередного экзальтированного юнца, находящегося на пике пубертатного периода. Ибо надо сказать, с той поры барон изрядно приблизился к воплощению этого обещания.

– Что случилось, Кругзан? – раздраженно спросил хозяин замка, входя в свой кабинет. Здоровенный детина звероватого вида, устроившийся в массивном деревянном кресле, сбитом из толстенных деревянных плах и стоявшем через стол напротив хозяйского кресла, при виде хозяина вскочил на ноги и довольно неуклюже поклонился. Ну да, Кругзан никогда и не был образцом этикета. Его ценность для барона Казверли заключалась совершенно в другом.

– Я только что из Ггурбаха, – хрипло заговорил детина. – То есть я со своим обрелся у Торжного хутора, как вы и велели. Урожай Черной смолки в этом году не очень, но урок мы почти собрали. И все было в порядке, пока четыре дня назад подпасок, которого посылали в Ггурбах за маслом, не принес слух, что банда Кривого Кабана – все. Я отправился туда и-и... точно все. Ну, я и тут же к вам.

Барон страдальчески скривился. Вот, Темные боги, значит, иссяк еще один ручеек, несущий золото в его закрома. Очередной! Впрочем, это было куда менее важно, чем то, что кто-то мог пойти по... м-м-м... руслу этого ручейка и добраться до самого барона.

– Как это произошло?

Кругзан пожал плечами.

– Точно неизвестно. Кривой-тко часть банды должен был отправить с хабаром в Каглум... ну, к Одноглазому. Особо ценного товару на этот раз у него не было, ежели только что в последние пару ден захватил. Поэтому ваших друзей из купеческой гильдии нонича решили не беспокоить и все скинуть этому ушедшему барыге... Ну, а сам с остальными должен был остаться на месте.

– У него действительно не было ничего ценного или просто захотел захватить побольше, чем мы договорились? – раздраженно уточнил барон. Детина молча пожал плечами. Мол, может, и так, а может, и эдак. У вас же с Кривым свои дела, в которые вы меня не шибко пускаете... После чего продолжил рассказ:

– Поэтому у его, значить, оставалось, почитай, только половина банды. Так что на кого опасного он бы точно не полез. Да и не было там никого такого. С той поры как вы, Ваша милость, упокоили графа Умбертена с евойными изранетыми доходягами, дворяне, почитай, все по своим замкам забились и ежели куда выезжают, то гуртом и по-быстрому. А у купцов нонича и денег нет на большую охрану. Да и толку-то с нее таперя? Тот же Кривой такие караваны брал, куда там нонешним... Так что оне нонича почитают выгодным платить за проход, а на охране выгадывать. Ну, почитали...

Барон скривился, а затем задумчиво пожевал губами (ну была у него такая дурная привычка). Если банда Кривого Кабана действительно разгромлена, это может породить серьезные проблемы. Потому что она оставалась единственной крупной бандой, находившейся под контролем барона. А еще именно с Кривого и началось новое возвышение ранее совершенно разоренного баронства...

Вернее, началось все довольно грустно... Его вытащили прямо из постели. В одних подштанниках. Вытащили, заломили руки, бросили на колени. Когда он увидел перед собой огромное брюхо, одетое в один из старых отцовских камзолов, который еще и не сходил на пузе, то, даже не видя лица, сразу узнал главаря напавших. Замковый кузнец! Две недели назад барон, истосковавшийся по женскому вниманию, прижал в своем будуаре одну из служанок, чья неблагородная внешность вполне искупалась ее юностью и свежестью. Девка оказалась с норовом, так что, прежде чем удовлетворить свою накопившуюся потребность, пришлось ее немного поучить, несколько раз врезав рукоятью кинжала по лицу. Ну а из-за того, что та орала и дергалась, гарда кинжала разодрала девке губу. Так что удовлетворять свое естество пришлось, накинув на девку угол простыни, дабы не забрызгала кровью.

Как позже выяснилось, девка эта оказалась дочерью кузнеца, который сначала попытался в отместку поджечь конюшню и амбар, а будучи застигнутым за подобным непотребством, просто сбежал из замка вместе со всем своим семейством... Нет, случись нечто подобное в старые времена, барон тут же вскочил бы на коня и, прихватив пару-тройку дружинников (а зачем больше-то), бросился в погоню – и для того, чтобы наказать преступника, и дабы позабавиться самой увлекательной из охот – на двуногую дичь. Но сейчас... из всей дружины в замке остался только Старый Глуб, бывший капитан замковой дружины, ныне являющийся ветхой развалиной, который и выбирался-то из своей каморки, каковую отец нынешнего барона предоставил ему для житья из уважения к прежним заслугам, далеко не каждый день. Остальные давно разбежались – не только из-за отсутствия денежной платы, но и из-за того, что и кормить их начали далеко не каждый день. Как, впрочем, и большая часть остальных замковых слуг. А куда деваться? Барон мог ощущать себя в относительной безопасности только за стенами замка. Так что даже для того, чтобы забрать обычную десятину от таверны, стоящей на его земле, или у старост деревень, выбирался с большой оглядкой и куда реже, чем надо бы было. А эти сволочи этим и пользовались.

– Ну что, тварь, допрыгался? – зло прохрипел кузнец. – Пришло время отвечать за все...

Барон молча стоял, лихорадочно размышляя над тем, как можно выкрутиться из данной ситуации. Умирать жутко не хотелось. Он же фактически еще и не начинал жить! Потому что такая это жизнь, когда ты в долгах как в шелках и вследствие этого носа не можешь высунуть из родового замка... А ведь когда-то он (вот идиот!) страстно мечтал о том времени, когда он станет полновластным хозяином баронства. Ночами не спал, думал, страдал... Ну, вот он стал, и что – лучше стало? Думай вот теперь не о власти и блеске, а как долги отдать или вот как головы не лишиться.

– Ты, Уфлей, охолони, не гони коней, – пророкотало где-то левее. – Или ты теперь главарь моей банды?

Оп-па! Барон слегка приободрился. Кузнец не простил бы его ни за что, тут и думать нечего, но если он не главарь, то-о-о... тут уже могли появиться какие-то варианты. Могли

появиться... а могли и не появиться. И для того, чтобы они появились, Каэверли-младшему следовало сильно постараться. Очень сильно! Потому что ставкой в этом деле была его собственная жизнь. А при такой мотивации чего только у людей не получается...

– Эхм, уважаемый... – самым вкрадчиво-завлекательным тоном начал он, – прошу меня простить, не имею чести знать вашего имени... – Тут барон сделал паузу, ожидая, что его собеседник назовет себя. Но тот сначала гулко захохотал.

– Ой, гля, робяты, какой у нас тут аристократик вежливый... – Тот, кто притормозил кузнеца, гулко расхохотался. – Что, спесивый гусь, поджилки затряслись?

– М-м-м... нет, то есть не совсем, – поспешно поправился барон. Кто его знает, может, этому разбойнику очень нравится, когда перед ним трепещут. Не дай бог обидится... – Просто... просто я хотел бы узнать у вас, как вы смотрите на то, чтобы заработать серьезные деньги. Не ту мелочь, которую вы получите у скупщика, коему оптом скинете все, что нагребите в моем... м-м-м... не слишком-то и богатом замке, а по-настоящему серьезные...

Смех резко оборвался, после чего его резко вздернули на ноги и развернули в сторону. Сидевший перед ним детина, одетый в доспех городского стражника и шлем с полуличиной в виде кабаньей головы, окинул его острым взглядом и негромко бросил:

– Говори...

– Кривой, – вскинулся кузнец, – ты обещал мне, что... эхххх!

Главарь разбойников молча выдернул меч из груди кузнеца и обтер его об его же плащ, а затем высокомерно бросил куда-то вбок:

– Уберите эту падаль. Достал он меня уже своим гундосаньем... – После чего кивнул барону: – Давай, гутарь что хотел...

Барон потер лоб, отвлекаясь от воспоминаний, после чего развернулся к Кругзану:

– А как вообще об этом узнали? Ну, откуда слухи пошли?

– Дык крестьяне на ярмарку ехали и увидели трупы, что на деревьях вдоль дороги развешаны были. Ну, вот и... – Детина развел руками.

– И что, все? Больше ничего узнать не удалось?

Кругзан виновато покачал головой:

– Я, эхоть, нанял пару охотников и съездил туда... ну где трупы висели. Так они походили вокруг, но ничего не нашли. Сами ж знаете – дожди который день. Развезло все и залило, да еще и крестьянские телеги потом проехали, так что ежели что и оставалось, так все и затоптали... Но никаких необычных следов не было. Поношенные сапоги, крестьянские опорки, некованные копыта – и все. В соседнем селе рассказывали, что через них незадолго до того проходил небольшой караван крытых возов, ну, на которых торговцы, что не шибко богатые, товары возят. Повозки три-четыре... Эти тупени всегда путаются. А больше никого не было.

– Караван был с охраной?

– Ну, эхоть... как сказать, – задумчиво протянул Кругзан. – Охрана-то была, но, как все сказывают, – рвань полная. Из защиты токмо поддоспешники стеганные. Да и то не у всех. Кто-то и вообще почти голяком – драна жилетка на голяк натянута. Шлемов нет, щитов – парочка на всех, и все битые. Да и было их меньше десятка. Хотя возы, на взгляд, были тяжело груженные. Кривой вполне мог позариться. Но такая охрана ему должна быть на один зуб!

Барон Каэверли нахмурился и прошелся по кабинету из угла в угол.

– Ой, не нравится мне все это. Это какая уже банда из тех, что под нами?

– Из больших – третья. А из мелочи я и не знаю. С имя другие завязаны были.

Барон поднял очи горе и снова пожевал губами.

– А твои люди все на месте?

– Все. Ну, те, кто не в разгоне.

– А в разгоне кто?

– Тупень и Хромой. Тупня я к гномам отправил, с письмом. Все одно от него в любом другом деле толку мало, кроме как кому врезать. А Хромой с последним обозом от Кривого Кабана в Каглум пошел.

– Точно пошел? – настороженно переспросил барон. – Он такой жадоба, что вполне мог задержаться у Кривого на денек. – Тут барон ернически искривил губы и, изменив голос, явно кого-то спародировал: – «Последние остатки собрать, господин барон, чтобы уж самые последние...»

Кругзан снова молча пожал плечами.

– Ему было велено уходить с обозом, а как там оно на самом деле – кто ж его знает? Вы ж сами велели его не трогать, ежели чего. Вот он и пользуется.

Хозяин кабинета резанул его злым взглядом, а затем приказал:

– Значит, так – дуй в Каглум к Одноглазому и найди Хромого. Если он там – волоки его сюда, а если его с обозом нет – галопом лети в Ггурбах и-и-и... – Тут барон оборвал фразу и задумался. – А впрочем, не надо в Ггурбах. Пока ты вернешься – все уже закончится. Так что, если не найдешь Хромого, также возвращайся сюда и доложи. Все понял?

– Само собой, ваша милость... – кивнул головой детина, но не сдвинулся с места, продолжая сверлить барона преданным взглядом. Тот поморщился и, подойдя к столу, снял с шеи цепочку с небольшим ключом и, наклонившись, открыл замок нижнего ящика. После чего немного выдвинул его и, выудив небольшой матерчатый кошель, молча кинул его стоящему перед ним мордовороту. Тот ловко поймал кошель, подбросил его на ладони и довольно осклабился.

– Благодарствуем, Ваша милость, не сумлевайтесь – все сделаем в лучшем виде.

Когда за детинкой закрылась дверь, барон еще некоторое время молча сидел, уставив невидящий взгляд на столешницу, и вспоминал, как все начиналось...

Когда герцог начал собирать дворянское ополчение, барон Каэверли сказался больным. Нет, в тот момент это не было каким-то хитрым планом. Впрочем, и больным он тоже не был... Но что еще ему оставалось делать? У него не было денег, чтобы выставить положенный отряд, да и собственным воинским мастерством или умением командовать, которое позволило бы претендовать на место командира какого-нибудь подразделения в дружине кого-то более высокопоставленного, барон тоже не мог похвастаться. Как, впрочем, и большинство его сверстников. В отличие от их отцов, которые еще застали в молодости времена, когда приходилось надевать доспехи и садиться в седло, нынешнее поколение западного дворянства не слишком обременяло себя воинской наукой, предпочитая проводить время более весело... Впрочем, когда император объявил сбор ополчения, большинство натянули неудобные и непривычные родовые латы и, неуклюже взгромоздившись на коней, отправились на «священную битву с извечным врагом людей». Где по большей части и сгинули... Но это случилось уже куда позже. А поначалу барон тосковал. Его голова в тот момент была также все еще забита всякими высокопарными бреднями о долге дворянина, о чести, о предназначении, которые, как он теперь понимал, на самом деле не стоят и выеденного яйца. Но окончательно он осознал это только после того, как столкнулся с Кривым Кабаном. А тогда...

Барон криво осклабился. Да уж, как все хорошо шло... Но теперь ситуация снова переменялась, и ему нынче надо позаботиться, чтобы никто не догадался, что за большей частью нападений на наиболее богатые торговые караваны и самые богатые окрестные замки стоит родовой аристократ и утвержденный барон империи. А ведь как все хорошо складывалось...

План был воистину гениален! Сначала скооперироваться, а затем и взять под прямой контроль часть наиболее управляемых банд, для того чтобы с их помощью ухватить самые лакомые куски. Ну а после того, как закрома достаточно наполнятся, – всех уничтожить, представ перед высшим обществом герцогства в ореоле истинного аристократа – защитника слабых, твердой рукой возвращающего закон и покой на исстрадавшуюся землю запада. Возвращающего, но

пока, несмотря на все явно видимые усилия, не вернувшего. А усилия были видны, видны... Барон во главе вновь набранной дружины неделями не слезал с седла, мотался по всему герцогству, ночуя в различных замках и с мужественной горечью повествуя то одной, то другой одинокой хозяйке о своих страданиях, вследствие того, что из-за проклятой болезни он не смог исполнить свой святой долг владельца и прийти по зову императора. И единственное, что ему осталось, дабы не покрыть себя окончательным позором, это всеми силами бороться с этой страшной напастью, охватившей герцогство... О-о, какими велеречивыми и высокопарными эпитетами его награждали. Как горячо и жарко его благодарили. Как готовы были помочь... И иногда действительно помогали, отправив с ним пару-тройку, а то и десяток бойцов из числа тех, кто еще оставался в замке. Ну а то, что иногда, после того как он покидал очередной замок, на него внезапно нападала банда... что ж, в жизни есть место и подвигу, и трагедии. Наша ли в этом вина? Зато какие барыши это приносило им с Кабаном! Это тебе не обычный торговый караван ограбить. Богатства в замках аристократии копились не годами, а столетиями...

И спал он после подобного вполне спокойно. Злоба на тех, кто его когда-то, как он считал, предал, забыл, извергнул из своих рядов, выжгла в душе любые капли стыда или хотя бы смущения. Более того, барон создал целую концепцию, заключающуюся в том, что и времена, и нравы меняются. Поэтому то, что когда-то было немислимым, сначала становится всего лишь невозможным, затем просто неодобряемым, а чуть позже переходит в разряд обыденного, а затем – и вообще остроумного. Так что можно считать, что он, барон Каэверли, просто является первым, кто начинает практиковать нечто в недалеком светлом будущем совершенно обыденное или даже модное...

Впрочем, несмотря на столь изящную стройность этих рассуждений, барон позаботился о том, чтобы поводов для озвучивания их у него не появилось. Что ж поделать – благородное общество пока еще слишком косно и отстало, чтобы оценить столь изящные умозаключения... особенно если учитывать, какие именно действия барона они должны были оправдать. И это ему пока вполне удавалось. Во-первых, потому, что несмотря на всю свою распушенность и жадность последний барон Каэверли был умен и неплохо образован. Уж это-то папаша смог ему обеспечить... А как ни говори, образование определенным образом перестраивает мозги, часто позволяя замечать возможности и перспективы там, где человек без образования не способен увидеть ничего, кроме проблем. Ну а во-вторых, потому что здесь, на западе, осталось слишком мало тех, кто был способен хотя бы задать барону какие-нибудь неприятные вопросы. Не говоря уж о том, чтобы начать предпринимать какие-то действия, предназначенные для того, чтобы докопаться до истины... Чтобы там ни было, этому самозваному императору, пожалуй, можно было сказать спасибо. Уж очень вовремя он вспомнил о праве Сюзерена требовать службу от своих вассалов. Впрочем, если пройти по этой цепочке до конца, скорее всего спасибо стоило сказать даже не императору, а оркам...

Так что уже спустя полгода после того, как состоялся его разговор с Кривым Кабаном, тот договор, который он заключил с этим бывшим стражником, начал приносить барону очень неплохой доход. Такой, что спустя еще месяц барон сумел дать в своем замке первый за многие годы бал, чрезвычайно удивив этим большинство своих соседей. Впрочем, было бы кого удивлять. Соседские замки были полупусты, скучны и унылы... Так что «блестящее общество», явившееся засвидетельствовать свое почтение барону Каэверли, почти сплошь состояло из стариков и старух, с чрезвычайно редкими вкраплениями совершенно сопливой молодежи и новоиспеченных вдов. Замужние женщины, как и девицы на выданье, дружно остались по домам, верно, ожидая возвращения из похода своих супругов и женихов. Но барон не расстроился. Начало было положено, а там... чем дольше продлится война, тем больше он сможет округлить свой капитал. И тем более достойное место он сумеет занять в итоге. И... о, нет, торопиться он не будет. Присмотрится, подумает... война – это всегда расходы. Большие. А иногда вообще неподъемные. Особенно если военное счастье окажется слишком переменчи-

вым. Барон Каэверли же, если судить по тому, как все развивается, к концу войны совершенно точно должен был оказаться в числе тех, кто будет весьма твердо стоять на ногах. Уж куда крепче тех идиотов, что поперлись «исполнять свой долг»... Так что кто знает, вполне возможно, ему удастся заполучить в супруги куда более престижную партию, чем даже те, что когда-то планировал его отец. А у папашки-то были очень не слабые амбиции...

И вот теперь, похоже, над его планами нависла какая-то непонятная угроза. Потому что с уничтожением банды Кривого Кабана те славные ручейки золота, что весело бежали тайными тропками в его округлившуюся кошину, должны были почти совершенно иссякнуть. И возникшее у барона еще после уничтожения еще предыдущей из прикормленных им банд ощущение, что это совсем не случайно и что тучи начали сгущаться над ним самим, сейчас превратилось фактически в уверенность. А это означало, что пришло время как можно быстрее зачищать концы и обрывать любые нити, которые могли бы привести к нему. Что поделаться, люди пока еще не доросли до того уровня свободы и незашоренности, до которого дорос барон. Так что если пройдет слух насчет того, чем он тут занимался, пока остальные прохладжались в армии этого самозванца...

Барон Каэверли вынырнул из тягостных размышлений и тряхнул головой, отгоняя тяжкие мысли, после чего запер ящик стола и поднялся на ноги. А пошло оно все к Темным богам! В конце концов, его сейчас ожидает нечто куда более приятное. Эта графиня Умбертен весьма жаркая штучка. Он обхаживал ее почти два месяца. Причем не только по всем правилам галантной науки, но и предпринимая кое-что присущее, скорее, не слишком чистому на руку купцу, а никак не аристократу. Вдова графа Умбертена даже не догадывалась, что ее трудности с деньгами и неуступчивость кредиторов появились не сами по себе... Хотя львиная доля вины за ее нынешние неприятности, естественно, лежала на ее покойном муже. Покойный граф был образцом дворянина и, отправляясь по призыву самозванца, для наилучшего снаряжения своей уже давно не воевавшей дружины не только выгреб всю свою казну, но еще и изрядно назанимал у ростовщиков. Но и барон также приложил свою руку... А вот не надо было в свое время называть кое-кого «жалким неудачником». Пусть и не в глаза, а как бы «в своем кругу», но ведь на свете так много «добрых людей», которые не преминут донести до тебя все гадости, которые о тебе говорят. Люди же ведь так любят повысить собственную самооценку через унижение того, кто в данный момент кажется им слабым и проигравшим... О, как бы ему хотелось напомнить графине эти слова теперь, когда она принялась сама обхаживать барона, надеясь с его помощью если не решить свои проблемы, то хотя бы снизить их остроту. Но увы, к сожалению, жизнь устроена так, что мы не всегда можем позволить себе то, чего нам страстно хочется. Как сказал кто-то из мудрецов: «Не все, что можно делать безнаказанно, следует делать». Эх, если бы барон Каэверли понял это немного раньше, ему удалось бы в этой жизни избежать очень многих огорчений. Но главное, что он это все-таки понял... Так что сейчас придется удовольствоваться всего лишь, так сказать, доступом к телу. Впрочем, тело было вполне себе достойным... А еще в данной ситуации был один пикантный момент, который, как считал барон, переводил ее для него в ранг вполне достаточного вознаграждения. Дело было в том, что графиня возляжет с ним, даже не догадываясь, что отдает свою... о, нет, конечно, не любовь и даже не привязанность, но благосклонность и, н-да, пожалуй, и честь, тому, кто как раз и сделал ее вдовой. Потому что именно барон собственной рукой нанес тот самый удар, который и прервал земной путь графа Умбертена...

3

– И все-таки я считаю, что все не так однозначно, милорд, – произнес виконт Аскавирал, с сомнением покачивая головой. Он и Трой сидели на ветке высокого дерева и рассматривали возвышающийся перед ними замок. Замок был в не очень хорошем состоянии – внешняя стена

была испещрена оспинами обрушений, да и почти треть отсутствовавших зубцов также говорила сама за себя. Но в то же время было видно, что не так давно хозяин взялся за его восстановление. Трой усмехнулся и пожал плечами.

– Вот там все и узнаем.

– Но нападать на замок владельца, не прислав официального вызова... – начал виконт. Однако герцог Аврендейл прервал его, жестко рубанув рукой:

– Ничего, если Хромой соврал – извинюсь и возмещу ущерб, а если нет и все подтвердится, то перед нами не дворянин, а обычный разбойник. Я эту тварь даже чести дворянской казни не удостою. Никакого ему отрубания головы – вздерну на ближайшем суку, и баста!

Допрос Хромого добавил последние детали в ту мозаику, которая начала потихоньку складываться в голове у Троя еще после того, как они прижали к ногтю первую банду.

То есть сначала все шло как обычно. На первый взгляд Хромой не рассказывал ничего особенного. Ну да, грабят, причем подчистую. Не брезгуя даже самым недорогим товаром. Товар накапливают в лесном лагере, а потом вывозят к скупщику. Скупщиков несколько. Нет, сам Кривой Кабан имеет контакты только с одним, а остальные – не его заслуга. Нет, сам Хромой с ними не договаривался. Просто его... тут Хромой запнулся, но, покосившись на спокойно смотрящего на него Троя, поежился и продолжил... его хозяин обычно передавал через своего подручного, кому вести товар на этот раз и-и-и... А что? Сам Хромой никого не грабил и не убивал. А исполнять повеления хозяина – обязанность любого добросовестного и рачительного слуги. Он был вроде как предельно откровенным. Предельно... Но чем дальше, тем больше у Троя складывалось впечатление, что Хромой что-то недоговаривает. Что-то очень важное. Но что? Лиддит говорила, что правильный ответ не менее чем наполовину зависит от верно и точно заданного вопроса. Но как задать вопрос, когда еще сам не понимаешь, о чем нужно спросить? Трой задумался, на некоторое время выпав из процесса допроса и оставив его на Коскома и Грикса. Нет, виконт Аскавирал также присутствовал на сем действе, но почти все время молчал, больше учась, чем реально участвуя. Он вообще, по мнению Троя, в последнее время очень сильно продвинулся в своем развитии, почти совсем перестав высказываться резко и категорично, как это свойственно глупой юности, считающей, что она уже знает все и вся и потому может быть только два мнения – ее и неправильное. Почти. Иногда это еще проявлялось...

Допрос некоторое время шел своим чередом – Коском и Грикс въедливо выясняли у Хромого, кому он и его подельники сдавали товар, как звали стражников, которые пропускали в свои города без осмотра возы с награбленным, на каких хуторах банда Кривого Кабана отсиживалась после налетов, и остальные подобные детали. Это была очень важная и нужная информация, но...

– А кому вы сдавали то, что награбили в захваченных замках? – внезапно спросил Трой. Хромой запнулся и побледнел.

– Господин... я-а-а не пони...

– Их было несколько? Или кто-то один? – продолжил Тро... хм, нет, уже именно Алый герцог, гроза врагов, меч императора и прочая, и прочая, и прочая...

– Й-аа-а-а... эта-а-а... – Хромой сделал еще одну, впрочем куда более жалкую, попытку сыграть непонимание. Но Трой уже понял, что задал-таки именно тот, самый верный и точный вопрос. И у этого, несомненно, весьма ушлого и хитрого бандита теперь не так-то много шансов отвертеться от ответа. Просто надо давить, давить и давить. Алый герцог подался вперед и, уткнув свой тяжелый взгляд прямо в зрачки, по всему было видно, изрядно запаниковавшему бандиту, эдак ласково продолжил:

– А самое главное, где твой хозяин держит те вещи, которые он не рискнул скинуть торговцам. Ну, ты же не дурак, Хромой, сам знаешь, что кое-что из того, что вы награбили в замках, еще долго нельзя будет светить – родовое оружие, фамильные драгоценности, парадные

наборы посуды и столовых приборов, а также какие-нибудь широко известные предметы обихода, например, те же гобелены семьи Стольвинер. Долго, но не всегда же... Года через два-три-пять кое-что из этого вполне можно начать потихоньку продавать. А что-то даже и выставить в собственном замке. При приемлемом объяснении. Скажем, выкупил у какого-нибудь купца или обнаружил в логове какой-нибудь вот только что уничтоженной дружиной твоего хозяина банды разбойников, либо там вещь отыскалась в случайно обнаруженном старом разбойничьем схроне. – Трой сделал короткую паузу, злобно ухмыльнулся и вкрадчиво закончил: – Давай-давай – говори. Ты же знаешь, что я все равно получу ответы на все мои вопросы. Сейчас или чуть попозже. Так или иначе...

Хромой несколько мгновений сидел, оцепенев и глядя на Троя как кролик на удава, а затем этак страдальчески всхлипнул и заговорил...

– Ладно, больше мы здесь ничего не высидим, – махнул рукой Трой и, крутанувшись на ветке, соскользнул вниз вдоль ствола. Виконт восхищенно качнул головой и попытался повторить то же самое, но изрядно приложился плечом и оцарапал бок. Ну так его же в детстве Ругир не гонял...

Внизу, в кустах, ждали Грикс и Коском. И еще шестеро десятников. По трое от егерей и арвендейльцев.

– Значит, так, – начал Трой, опускаясь на корточки, – проникнуть в замок, как это было понятно сразу, особенного труда не составляет. Стена ветхая и выщербленная, а ремонт только начался. Так что я вижу тут только одну опасность для скрытого проникновения – если камни стены начнут осыпаться под руками и создадут шум. Поэтому снимать караульных пойду я.

– Но, милорд, – тут же вскинулся виконт Аскавирал, однако Трой не дал ему закончить.

– Виконт, как там ваше плечо? И бок? Не беспокоят? – усмехнулся он. Юный Аскавирал побагровел. Трой же протянул руку и примиряюще хлопнул его по плечу:

– Не обижайтесь, мой друг, я просто хочу сказать вам, что ползание по полуразвалившейся стене – точно не ваша сильная сторона. Даже будь вы в полном порядке после вашей попытки повторить мой спуск с дерева. Вот если бы мне нужен был соратник для того, чтобы ворваться в крепостной двор и, встав спина к спине, схватиться с врагом, будучи в полном окружении, – вряд ли я нашел бы кого-то лучше вас. Но на сегодняшнюю ночь не только вы, но даже и егеря и мои арвендейльцы мне не помощники.

Виконт слегка порозовел, и герцог Арвендейл подумал, что юноша за последнее время все-таки научился несколько скрывать свои эмоции, хотя именно несколько...

– Но там же будет почти сотн...

– Там будет пара, максимум тройка караульных. К тому же, судя по рассказу Хромого, все дружина этого... – от голоса Алого герцога явственно повеяло льдом, а следующее слово он произнес как выплюнул, – барона почти полностью состоит из бывших бандитов. А эти твари не слишком-то привычны к дисциплине. Поэтому я не удивлюсь, если все эти трое, ну, или как минимум один-два из них, выйдя на стену, просто забьются в какую-нибудь дыру и нагло уснут. Так что мне либо вообще нужно будет просто зарезать спящих, либо каждый из этих противников столкнется со мной один на один. Ну не думаете же вы, что один на один они способны представить для меня какую-нибудь угрозу?!

– Нет, милорд, что вы?! – возмущенно вскинулся юный Аскавирал.

– Вот и отлично, тогда продолжим, – подытожил Трой...

* * *

Комех сладко зевнул и с силой потер лицо. Все-таки зря он вечером поддался соблазну распить с приятелями кувшин молодого вина. Ведь знал же, что в караул идти... Впрочем, еще недавно это бы не было особой проблемой. Перетер бы с ребятами, один из которых око-

лачивался у ворот, второй на противоположной стороне стены, да и подремал бы в свое удовольствие в дальней башне. Потому что вся эта суета с караулами представлялась ему совершенно бессмысленным делом. Ну, кто бы посмел напасть на замок самого барона Каэверли, под которым, как всем было известно, ходили самые крупные банды этих мест? То есть как всем... кому надо было известно, конечно. А кому не надо – как раз нет. Но кого не надо в округе и появиться не могло. Потому как все дороги, ведущие к замку, были весьма плотно перекрыты местными бандитами. Но то было раньше... А почти декаду назад все изменилось. Кривозуб, бывший наемник из Каглума, поставленный господином бароном капитаном над его дружиной, будто с цепи сорвался. Комеху не было известно, что там такое произошло, но теперь Кривозуб, ранее всю ночь спокойно дрыхнувший в отведенных ему бароном покоях (евон как, оказывается, у дворян комнаты называются), теперь не менее трех, а то и четырех раз за ночь тихонько выбирался от себя и подкрадывался к караульным, проверяя, как те несут свою службу. И горе тому, кого он заставал спящим. Шестерых лишили жалованья за месяц, двое, попавшиеся на подобном, по два раза были выпороты, а Телепня, умудрившегося попасться трижды, Кривозуб вообще убил. Да еще сделал это его собственной алебардой и прямо на посту. А потом поднял ни свет ни заря всю дружину и, выведя их на стену, указал на труп Телепня, припиленный алебардой к полуразвалившемуся зубцу, и предупредил, что отныне так будет с каждым, кого он застигнет за сном на посту. А пороть... пороть он будет остальных из состава караула, которые не обнаружили, что один из них уснул и не исполняет обязанности караульного должным образом. Вот поэтому Комех и страдал нынче, изо всех сил борясь со сном и не рискуя, как раньше, забраться через выломанную дверь в дальнюю башню и растянуться в углу на куче тряпья, натасканного туда караульными аккуратно для этих целей...

Молодой дружинник снова протяжно зевнул и с силой хлопнул ладонью по левой щеке, дабы развеять накатывающую сонливость. Нет, зря он все-таки пил это вино, ой зря...

В дружину барона Каэверли Комех попал всего пару месяцев назад. И очень был этому рад. Потому что служить барону оказалось куда приятнее и спокойнее, чем промышлять на большой дороге. Правда, сначала, когда доверенный человек барона по имени Кругзан предложил ему перейти в дружинники, Комех засомневался. Ведь до того, как начались все эти беды, он никогда не держал в руках оружия. А те навыки, которые он успел приобрести в банде, для уровня пусть даже и молодого, но настоящего дружинника никак не дотягивали. Это было объяснимо, потому что происхождением он был из мещан города Ггурбаха. Ну как мещан... Его отец был кожевником, а кожевенное производство, как известно, отличается изрядной вонью. Поэтому кожевенные мастерские никогда не размещаются внутри городской черты. Вот и их слобода отстояла от городских стен на расстоянии одного перестрела. Причем с подветренной стороны. Но и то, стражники на ближайшей стене частенько жаловались на вонь... И хотя формально жители слободы, вследствие того, что городской совет никак не мог себе позволить упустить из своих рук такие источники дохода, как кожевенные мастерские, считались полными жителями города, на самом деле отношение тех, кто жил в пределах городских стен, к обитателям кожевенной стороны всегда было несколько пренебрежительным. Их так и звали – «вонючки»... Естественно, что подобное никому из кожевников не нравилось. И потому кулачные схватки между молодежью кожевенной слободы и обитателями других ремесленных кварталов либо подвыпившими молодчиками из числа купеческих подручных случались довольно часто. И Комех не только принимал в них активное участие с того момента, когда более-менее вошел в силу, но и был настоящей звездой подобных потасовок! Боги наградили его изрядной статью, впрочем, взамен отсыпав весьма скромно ума. Так, во всяком случае, кричал отец, когда устраивал ему выволочку за очередную испорченную шкуру. Или загубленный дубильный раствор. Либо сломанную мешалку. Так что совсем немудрено, что молодой кожевник предпочитал хорошую драку семейному ремеслу. Но именно драку, а не схватку с оружием. Здесь, на западе, города уже очень давно не проводили учений своего ополчения, и

вполне себе еще живые на том же юге традиции выставлять по ополченческой роте от каждого цеха в городах запада ныне являлись всего лишь городскими легендами...

Бывший кожевник снова смачно зевнул и, покрутив головой так, что захрустела шея, двинулся по стене, положив свою алебарду древком на шею и закинув руки на ее торчащие по бокам концы. Конечно, при таком положении в случае внезапного нападения он точно не успеет воспользоваться своим оружием, но кому тут нападать-то?

В наспех собранное ополчение молодого кожевника не взяли. Старшина кожевников сказал, что это потому, мол, что Комех в драке становился совсем дурной. Эвон, уже троих с горшечной улицы так покалечил, что до сих пор отлеживаются. А одному из кузнечных подмастерьев и вообще руку напрочь сломал. Но Комех был уверен, что дело совсем не в этом, а в том, что старшина просто его невзлюбил. Потому что младшая дочка одного старшины уже давно заглядывалась на молодого кожевника. Телеса была пышной, как сдобный калач, и весьма своенравной. Так что уже в достаточно юном возрасте научилась закатывать отцу такие истерики, что никто из семьи старшины старался с нею не связываться. Но ленту в подарок от молодого кожевника она приняла. Хотя и фыркнула... Поэтому напрямую запретить дочери «жениться» с Комехом старшина не решился. Комех же сему факту только порадовался. Семейка у старшины кожевенного цеха была богатая – две мастерские держали. Причем ни он сам, ни трое его сыновей лично у дубильных чанов уже не стояли. Да и городские поставки кож также шли через его руки. Уж, чай, найдет для зятя какое местечко, где также не придется шибко пачкаться... Однако всем было известно, что сам старшина выбор дочки явно не одобрял. Вот и отшил нелюбимого кандидата в зятья, не дав ему возможности прославиться и неплохо подзаработать. На чем? Да на тех же трофеях. А как же иначе-то? Зачем еще люди в воины идут, как не за этим?.. А добыча, по мнению знающих людей, к которым Комех прислушивался с блестящими от предвкушения глазами, ожидалась весьма знатной. Нет, не с орков. Ну чего с этих дикарей взять-то? Оне ж – босота и голь перекатная. С них из чего подороже ежели только какое оружие взять можно. Но оно совсем не под человеческую руку. Так что в лучшем случае его придется перековывать, а в худшем... в худшем и вообще отберут. Потому как ополчение – это не воины. И своего оружия иметь не могут. Только то, что получили из городских арсеналов. И после того как все закончится, требуется все оружие обратно в арсеналы сдать... Но ведь орки же цельную столицу того... сожрали! А в столице же самые богатства и есть. Это ж всем известно! И нонича они лежат совсем брошенные и никому не нужные. Так что приходи и бери, чего хошь. Так что тем, кто уйдет с ополчением, можно просто озолотиться. Ну, так говорили все эти знающие люди, которые, впрочем, отчего-то совсем не спешили записываться в ополчение. Но Комех на такие мелочи внимания не обращал... И тут такой облом! Вот точно старшина специально это сделал. Потому как – ну кого еще в ополчение брать, как не его? Да во всей кожевенной слободе никого лютее на драку, чем Комех, отродясь не было! А насчет того, что он дурел в драке, – так какой это недостаток-то? Чего врагов-то жалеть? Бей-убивай – и вся недолга...

Бывший кожевник дошел до конца своего участка стены и, развернувшись, двинулся обратно. Спать хотелось все больше и больше, так что он побоялся, что если остановится и расслабится, то точно уснет. А просыпаться припиленным к стене алебардой как бабочка ему совсем не хотелось...

В бандиты Комех попал по глупости. Причем случилось это почти сразу после ухода ополчения. Одним не очень удачным вечером он изрядно принял на грудь с более взрослыми мужиками да и двинулся к себе в слободу. Потому что делать в городе теперь было особенно нечего. В Гтурбахе после ухода ополчения стало тихо, уныло и... бедно. Торговля почти прекратилась. Даже в их кожевенной слободе склады гильдии буквально ломились от обработанных кож, которые никто особенно не покупал. Несмотря на то, что цены на них упали ниже некуда. Короче – ни развлечений, ни денег на них. Даже поход в бордель Комех мог теперь себе

позволить не чаще пары раз в месяц. И если бы не парочка веселых вдовушек, которым молодой кожевник временами помогал слегка потешить свою... свой горячий темперамент, жизнь стала бы совсем унылой. Впрочем, и так он находил в ней не много поводов для радости...

Он совершенно не собирался убивать этих трех пьянчуг. Ну вот совсем ему не было до них никакого дела, но... Короче, после того как с его глаз спала кровавая пелена, он обнаружил у своих ног три холодеющих трупа. И понял, что если он не хочет закончить жизнь на виселице, то ему нужно как можно быстрее покинуть город. В Ггурбахе, несмотря на уход большей части стражи с городским ополчением, к убийствам относились все так же строго. И затеряться в столь небольшом городе также не было никаких шансов. Уже через несколько часов после того как будут обнаружены тела, все содержатели ближайших трактиров, а также их завсегда-таи будут дотошно опрошены, после чего будет совершенно точно установлено, кто когда их покинул и куда направился. А имея эту информацию, вычислить, что путь этих трех пьянчуг непременно должен был пересечься с траекторией двинувшегося в сторону дома Комеха, не составит особенного труда. Ну а после этого установить, кто нанес те самые удары, которые и прервали жизненный путь этих неудачников, вообще не составит никакого труда. Молодой кожевник ведь бил как привычно, как в обычной драке. Так что все, кто знаком с его тяжелой рукой, не узнать подобные удары не могут. А таковых в Ггурбахе до сих пор было вполне достаточно...

Комех дошел до надвратной башни и остановился. Внизу, у ворот, сегодня нес службу Бафсит, смуглый, чернявый улиец, не пивший ни вина, ни пива, но зато регулярно жующий какую-то оранжевую дрянь, которая ввергала его в странное полудетящее состояние. Но пребывать в этом состоянии Бафсит способен был чуть ли не целыми сутками. Причем практически не спя. Бывший кожевник вновь зевнул, едва не вывернув челюсть, после чего опять с размаху заехал себе ладонью по щеке. Но помогло это мало. Комех скривился и, перегнувшись через низкий внутренний парпет, тихонько крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.